

АЛЕКСАНДРА РУДНИК

ЧЕРТОГ ЛИСЫ

18+

Александра Рудник

Чертог лисы

«Автор»

2024

Александра Рудник

Чертог лисы / Александра Рудник — «Автор», 2024

«Ты можешь отправить это в «Спам», даже не прочтя, но сей опрометчивый поступок лишит тебя самого главного приключения в жизни. Пафосно? Только в том случае, если ты в свои тридцать с «хвостиком» уже ничего не ждешь, кроме выхода на пенсию. Надеюсь, это не про тебя. И если я прав, то буду ждать тебя 13 апреля в СПб, а оттуда мы отправимся к Березовым Островам. Почему именно туда? Узнаешь, когда примешь важнейшее для себя решение – согласишься на поездку, чем кардинально изменишь свою жизнь». — Я уже все потеряла, так что, согласившись, я рискну разве что жизнью, — рассуждала вслух Лиза после прочтения странного письма. Терять действительно было нечего. Родителей давно нет, бабушка скончалась полгода назад. Личной жизни не было, по особым причинам, жила только работой... Если бы она знала, чем обернется безобидная экскурсия по Финскому заливу, то... все равно бы поехала, ведь именно там ей откроются многие тайны, одна из которых – какую роль в ее жизни играют рыжие лисицы?

© Александра Рудник, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	32

Александра Рудник

Чертог лисы

Глава 1

На широкой кровати, в позе эмбриона, лежала девушка и смотрела в потолок. Он не был белым, цветным или украшенным узорами в стиле барокко. Зеркальный. Это стало, пожалуй, единственной блажью с момента приобретения жилья. В остальном же «двушка» на окраине города обладала уютным интерьером, была обставлена со вкусом, без вычурных дизайнерских идей, будь то позолоченный унитаз или кровать в виде огромного бархатного сердца.

Еще в юности у хозяйки квартиры появилась необычная мечта: засыпать и просыпаться на плече любимого человека, непременно отражаясь в зеркальном потолке. Когда мастера его устанавливали, эта идея казалась просто гениальной, не имеющей аналогов в мире, и девушка дожидаться не могла, когда же работа будет закончена. Первую неделю она наслаждалась воплощением давней мечты, но уже на исходе месяца собственное отражение по утрам начало раздражать, и желание разбить блестящую поверхность вдребезги становилось едва сдерживаемым.

Сегодняшнее утро едва уловимо отличалось от предыдущих. Привычное рассветное негодование сменилось чем-то иным. Непонятым, непривычным, новым. Для осознания и принятия реальности понадобилось не меньше двух часов, проведенных в смятой постели. И вот он, вердикт, вынесенный после вязкого, как битум, самокопания: зеркала есть, а любимого мужчины – нет... Вот уже полгода...

Нет, расставание с Игорем не было окрашено в черные краски непоправимой трагедии. Все оказалось до безобразия банально: без смертельной болезни, летящей на полном ходу машины или шальной пули в бандитской перестрелке. Скорее, как в набившем оскому несмешном анекдоте: «Возвращается как-то жена из командировки на день раньше».

В тот вечер она действительно вернулась на сутки раньше из поездки, в которой провела почти две недели. Девушка работала спецкором на региональном канале, и по праву считалась местной знаменитостью. Зрители любили ее необычные, часто снятые на злобу дня, новостные репортажи и, в особенности, журналистские расследования. В погоне не за дешевой сенсацией, но за правдой и разоблачениями, она часто отлучалась в командировки.

– Тебе таки когда-нибудь всенепременно проломают голову за твое правдолюбие! – временами сетовал главред, когда привезенный «трофей» оказывался особенно ценен.

– Не волнуйтесь, Давид Моисеевич, не проломают, или я зря два года Муай Тай[1] занимаюсь? – деловито сказала девушка, и, в подтверждение своих слов, взмахом ноги в воздухе очертила знак бесконечности.

– Девочка моя, шо я тебе имею сказать... – Улыбнулся в седую бороду старый одессит. – Завязала бы ты свои аристократические замашки на морской узел и нашла-таки уже, наконец, мужика.

– Моисеич, как вы можете предлагать подобные непристойности, зная, что я давно замужем?

– Я тебя умоляю, дорогуша, не смехи мои седые, хм, пейсы! Позволь узнать кто же тот несчастный, на кого таки обрушилось цунами радости стать твоим избранником? – подыграл сотруднице редактор.

– Ваш канал, конечно! Вам ли не знать, Давид Моисеевич, что я давно повенчана с его величеством Репортажем! Француз с английскими корнями, между прочим!

– Егоза таки желторотая, все дурачишься, да что бы ты еще понимала за жизнь? Поверь мне, старому больному человеку, с припорошенными жизненной мудростью висками, молодость так мимолетна. Не успеешь обернуться, а рядом таки уже никого нет. Сколько бы ты не сопротивлялась, а природа возьмет свое. И мужа захочется, и детишек. Как поет мой любимый Тимурчик, «На каждую тетку с резьбою обнаружится дядька с винтом»![2]

Сегодня они с оператором вернулись после длительного сбора информации и уже утром собирались монтировать материал о незаконной вырубке векового леса на территории заповедника.

Почти бесшумно она провернула ключ в скважине и оказалась и прихожей. В кухне горел свет, но Игоря там не было. Тогда хозяйка квартиры на цыпочках прошла в зал, но и там не обнаружила молодого человека, равно как и в ванной. Оставался единственный вариант – спальня. Она толкнула дверь и остолбенела. На огромной двуспальной кровати томно извивалась и негромко постанывала блондинка с весьма пышными формами. Под ЕЁ мужчиной. Отражаясь в ЕЁ зеркальном потолке. Поднимать крик уже не имело смысла. Герои любовной сцены были настолько увлечены друг другом, что даже не заметили появления невольного зрителя. Театрально похлопав «актерам», девушка спросила:

– И какой по счету спектакль даете в мое вынужденное отсутствие?

Игорь бросил любовнице скомканную одежду и с укоризной уставился на свою девушку.

– А вот и «Мисс Цинизм» пожаловала...

– Неожиданно. Неужели не будет хотя бы нелепых и пошлых оправданий?

Парень с горечью усмехнулся.

– А смысл? Ты же всегда видишь и слышишь только то, что хочешь, и что бы я сейчас ни сказал, ты все перевернешь с ног на голову.

– Любопытная точка зрения. То есть твоя наглая измена в моей же постели – акт возмездия за мое самодурство?

Пока молодые люди делили пальму первенства в состязании по взаимным обидам, блондинка, несмотря на неповоротливость, довольно проворно ретировалась из спальни, а через несколько минут послышался сильный хлопок входной двери.

Девушка запустила пятерню в копну черных густых волос и, вздохнув, произнесла:

– Ситуация, честно говоря, предсказуемая, хотя, и малоприятная. Как ни странно, ты еще долго продержался, целых полгода. Обычно мои ухажеры, которых можно пересчитать по пальцам неопытного фрезеровщика, начинали гулять уже на втором месяце отношений.

– Господи, как же с тобой сложно! – вспыхнул Игорь. – Ты даже поскандалить не можешь по-человечески! Нормальная баба на твоём месте уже всю посуду бы в доме перебила, причем об мою голову, и морду расцарапала, а ты тут театр развела!

– Нормальная – это, в твоём понимании, какая?

– Хотя бы эмоциональная! Но это не про тебя. Ты же – Каменная Княжна, такая же хладнокровная и бездушная!

– Ну, раз уж я так далека от твоих идеалов, зачем тогда подошел на стадионе?

Парень молчал, явно подбирая слова, а брюнетке вспомнился день их знакомства. Она вела репортаж с футбольного матча, когда к ней привязалась троица подвыпивших фанатов. Субтильный оператор продолжил нервно сжимать камеру, предпочтя не замечать выходок наглых болельщиков. И тогда появился Он. Высокий, крепкий, явно занимающийся спортом. Игорь выкрутил одному из хулиганов руку и уже через минуту все трое растворились в красочной толпе. Вместо ожидаемой благодарности, парень получил в свой адрес добрую порцию цинизма, густо приправленную пренебрежением.

– Я бы и сама справилась, мне приходилось выпутываться из ситуаций и похуже.

Опешив от подобной наглости, Игорь перешел в наступление.

– Не сомневаюсь. Просто именно сегодня вы забыли прихватить боксерские перчатки.

– Напрасно иронизируете, не перчатки, но нунчаками[3] я владею превосходно. Хотя, и без них мне было бы достаточно использовать пару приемов из тайского бокса. Так что советую не возвращать наивные мечты по поводу того, что вы, принц на белом верблюде, спасли беззащитную принцессу из лап трех алкодышащих драконов.

– Ну, понятно. Мне от вас даже банальное «спасибо» не светит, не то что совместный поход в кафе. Я прав?

Взгляд желто-кофейных глаз с вызовом впился в оппонента.

– Я рада, что вам и без моих пояснений все понятно. Пара свиданий, прогулка под луной, может быть, бурная ночь, но это не точно. Не исключаю, что еще некоторое время мы будем вместе, но не больше месяца, после чего последует долгожданное для обоих расставание. Так что не вижу смысла продолжать знакомство, только время потеряем. И, да, так и быть, спасибо за спасение от пьяного «фанатя», а то, боюсь, ваша самооценка рухнет до самого Девятого круга ада[4]. – Девушка повернулась к оператору. – Шевелись, тюфяк, нам еще интервью с тренером снимать.

Стройная брюнетка резко развернулась на пятках, едва не ударив своего спасителя по щеке пышным хвостом волос, и затесалась среди спин посетителей стадиона.

Через пару дней, после того как материалы с футбольного матча были смонтированы и показаны по местному каналу, журналистка, вооружившись диктофоном и фотоаппаратом, выскочила на крыльцо редакции. За перилами ее поджидал недавний знакомый.

– И снова здравствуйте! Как вы меня нашли?

– Здравствуйтесь, Лиза!

– О, вы даже узнали мое имя. Вы не такой безнадежный, каким показались на первый взгляд. Неужели догадались найти мой репортаж на просторах интернета?

Игорь растерянно хлопал ресницами и никак не мог подобрать слов для достойного ответа на дерзкий выпад нахалки. Наконец, он собрался и решил не подбрасывать поленья в костер нарастающего конфликта.

– Предлагаю зарыть топор непонятно с чего начавшейся войны. Может, все-таки сходим в кафе?

– Во-первых, для вас я не Лиза, а Елизавета Лисовская, и это как минимум. Во-вторых, сейчас у меня встреча с информатором, который помогает в расследовании одного необычного дела о магах-шарлатанах. Ну, и, в-третьих, банальный поход в кафешку – извините, не мой уровень. Я уже не в том нежном возрасте, чтобы сидеть в дешевой «тошниловке» и смеяться над глупыми шутками собеседника.

Игорь напрягся. В его голове не укладывалось: как в таком прекрасном хрупком тельце может жить столь циничный прагматичный демон с обледеневшим сердцем.

– Дайте угадаю, Елизавета: вам чуть за тридцать, и вы никогда не были замужем.

Теперь смутилась сама девушка, но лишь на несколько неуловимых секунд.

– Уж вас-то моя личная жизнь точно не касается. Хорошего дня.

Брюнетка не сочла нужным дожидаться ответа и отправилась к стоянке такси. Уже через пару минут Лиза бросила равнодушный взгляд из окна желтого седана с «шашечками» на Игоря, который все еще стоял у крыльца редакции.

Говоря парню о задании, девушка не лгала. Она действительно спешила на встречу с молодой женщиной, которая согласилась помочь в разоблачении псевдоколдунов. От Лизы она получила фото, на котором сама журналистка стояла в обнимку с любимым рок-музыкантом. По легенде, эта «малолетка» со снимка увела у нее мужа, и теперь безутешная брошенная жена жаждет вернуть в семью гулящего мужа (на фото его роль и изображал рокер), а заодно и наказать разлучницу.

И вот, женщина принялась метаться от одного мага к другому, в надежде залатать прореху в семейном счастье. Версий у «избранных» было много. Одни говорили, что на мужчине

приворот, другие – родовое проклятие. Третьи, что на супругов навели «рассорку» и «охладу чувств». И лишь один из них, Магистр Черной Магии, ведун Бальтазар, оказался смельчаком и со знанием дела решил помочь женщине. Он водил над ее головой отекавшими потными ладонями, заглядывал в «хрустальный» шар, стоявший на столе в центре комнатухи, загробным голосом говорил, что все можно исправить, но для проведения ритуала потребуются особые ингредиенты, поэтому за восстановление семейного счастья придется выложить солидную сумму. Еще бы! Слеза младенца, кровь девственницы и перо колибри не купишь в отделе бакалеи. Но фатальным везением стал тот факт, что у Бальтазара оказался в наличии полный набор. За это не грех и заплатить.

Весь бред, что с умным видом нес колдун, был послушно записан диктофоном, затаившемся в кармане брюк женщины. Уже через пару дней Лиза закончила работу над резонансной статьей, обличающей всю «подноготную» магов местного разлива, после выхода которой репутация ведуна буквально распалась на молекулы. Материал попал в полосу новостей интернет-журнала, где Елизавета подрабатывала внештатно, после чего «электронку» главреда завалило письмами как с благодарностями, так и с откровенными угрозами в адрес корреспондента. За десять лет в журналистике она привыкла к хейту, так что обрушившееся цунами негодования лишь позабавило брюнетку, и даже отчасти потешило самолюбие. Ведун же с все еще гордо поднятым носом попытался дать опровержение на всевозможных форумах, и там его «забросали тапками».

Следующим утром у редакции телеканала, основного места работы девушки, вновь появился Игорь в компании роскошного букета.

– Разве я в прошлый раз плохо объяснила свою позицию?

Игорь переминался с ноги на ногу, как школьник, приглашающий девочку на первое свидание, и нервно сжимал стебли цветов, обрамленные острыми шипами.

– Елизавета, пожалуйста, дайте шанс, вы ведь меня совсем не знаете... – взмолился парень.

– Мне это неинтересно, и, боюсь, более тесное знакомство принесет лишь разочарование.

И она снова ушла, не попрощавшись. Но на этот раз молодой человек не сдался. Каждый вечер он появлялся у стен редакции с подарками и цветами, которые неизменно отправлялись в урну, прямо на глазах Игоря. Однако через месяц Лиза все же поддалась на уговоры и пару раз позволила сводить себя в кафе и кино.

К удивлению девушки, парень оказался не так уж и плох. Несмотря на увлечение спортом и работу в престижном фитнес клубе, он был эрудирован и начитан, о чем свидетельствовало умение с легкостью поддержать разговор на многие темы.

На протяжении трех месяцев отношения отдаленно напоминали идеальные, но стоило Игорю переехать к Лизе, как «притирка» начала приносить неприятности. У него никак не получалось привыкнуть, что его девушка могла в любой момент уехать в область на несколько дней, не предупредив о командировке, ее же раздражали попытки парня контролировать ее жизнь. Воображая себя будущим мужем брюнетки, Игорь почти требовал отчета о любом передвижении. В дополнение ко всему парня тяготила манера общения Елизаветы, которая, к слову, сразила его в день знакомства. Теперь ему приходилось «выкупать» еще больше цинизма и издевательств. Пресловутой «вишенкой на торте» стала интимная жизнь молодых людей, точнее, ее почти полное отсутствие. Чтобы получить доступ к идеальному телу, приходилось каждый раз идти на различные ухищрения. Увы, ему было невдомек, что девушка избегает близости не из капризности натуры. Она до сих пор, спустя много лет, так и не смирилась с попыткой надругательства над ней. К счастью, тогда все обошлось, но с того дня четырнадцатилетняя Лизочка перестала быть беспечной жизнерадостной девочкой и превратилась в опасливого настороженного зверька, с головой ушедшего в учебу. В тот же период она записалась на карате и курсы самообороны. С годами Лиза поняла, что из-за страха, укоренившегося

в подсознании, у нее не «клеится» с представителями сильного пола. Она осознавала: не все мужчины – похотливые животные, стремящиеся взять женщину силой, но ничто, даже посещения психолога, не смогли сломать внутренний барьер. Рассказать парню о случившемся в детстве не позволяла гордость, поэтому Лиза продолжала хранить тайну и отравлять совместную с парнем жизнь.

Вот так, шаг за шагом, она своими руками и колким языком, разрушала вполне перспективные отношения. Любому терпению, рано или поздно, приходит конец. Игорю надоело сидеть на «сухом пайке», и он привел в Лизину спальню едва ли не первую встречную. И сейчас, слушая его жалкие оправдания, она понимала, что парень, в целом, прав, но озвучить это не хватало смелости.

– Хватит розовых соплей, собирай шмотки и проваливай. Может, еще догонишь свою блондинку, а мне отдохнуть с дороги надо.

Спустя полчаса из прихожей послышалось жалобное:

– Лис...

Девушка одним прыжком дикой кошки оказалась возле Игоря.

– Не смей ко мне так обращаться! Только один человек мог меня так называть, и это не ты!!!

Дверь захлопнулась и квартиру заполнила тишина. Лиза вошла в кухню. Из окна она наблюдала за силуэтом уходящего в темноту молодого человека, и вдруг почувствовала, что-то очень важное в своей жизни.

Утро было тяжелым. Ночь прошла без ожидаемого оплакивания потерянных отношений, но в глубоких мрачных размышлениях. Гордость все еще сопротивлялась здравому смыслу, но, глядя на себя в зеркальном отражении потолка, Лиза начала понимать, что Игорь во многом был прав.

«Ой, Лисавета, тяжело тебе придется в жизни. Уж больно умна ты, не по годам, вот только друзей найти будет ох как нелегко...» – вспомнила Лиза слова самого близкого человека – бабушки. Лисавета... Лисонька... Лисенок... Лис... Бабуля почти всегда называла внучку ласковыми именами, а когда старушка с укоризной пророчила девочке «горе от ума», та совсем не обижалась. Да и можно ли сердиться на того, кто с раннего детства заменил обоих родителей?

Будучи совсем крошкой, Лиза верила в легенду о папе-космонавте, и часто просила по вечерам рассказать о нем невероятные истории покорения бескрайнего космоса. Когда Елизавете исполнилось тринадцать, бабушка имела неосторожность проболтать. Так оказалось, что отец Лизы, не имея стабильной работы, как и многие в «веселые» 90-е, перебивался случайными заработками. Которых, впрочем, явно не хватало на содержание семьи. Бесконечное безденежье порождало ежедневные скандалы. Молодая жена, державшая на руках годовалую дочь, часто корила его за бездействие.

– Говорила мне подруга про тебя, предупреждала, что с тобой, нищеводом, лучше не связываться. Так нет же! Угораздило влюбиться в тебя. За душой ни гроша, и жилья своего нет. Если бы не моя мама, уже бомжевали бы на теплотрассе. Когда же ты повзрослеешь?

И он повзрослел... Сергей, так звали молодого горе-папашу, связался с серьезными ребятами в кожаных куртках, ставшими его «деловыми партнерами». Темные делишки, на которые мужчина ездил с верзилами, начали приносить валютные дивиденды. В холодильнике начали появляться деликатесы, маленькая Лиза не знала отказа ни в чем, только, увы, недолго. Сергей так и не успел закончить ремонт в стареньком доме тещи, обновить гардероб супруги и обустроить детскую для дочери.

В одну из безлунных ночей в дверь грубо и бескомпромиссно постучали. Когда мать Лизочки открыла, то увидела на крыльце истекающего кровью мужа. Едва она втащила его

в прихожую, как молодой мужчина закатил глаза и потерял сознание. Приехавшим медикам «скорой» осталось засвидетельствовать смерть, потому что Сергей скончался на руках жены.

Горевать Тамаре, матери Лизы, долго не пришлось. Любовь любовью, а маленькая дочь кушать хочет несколько раз в сутки, а о остальных расходах и говорить не приходилось. Она была вынуждена устроиться на работу. Так Лизины мама и бабушка Пелагея Герасимовна совместными усилиями постарались обеспечить девочке сытое детство, по очереди выходя на работу, пока другая нянчилась с малышкой.

Однажды бабушка Елизаветы ждала дочь дома. Время поджимало, ведь женщине нужно было успеть добраться из частного сектора до города. Тамара значительно задерживалась. После звонка на завод выяснилось, что с вечера она не заступила на ночную смену. Пелагее ничего не оставалось как отпроситься до завтра, ведь оставить Лизочку было не с кем. Поведение дочери озадачивало. Да, после смерти Сергея прошло два года, и Тома имела право снять траурную вуаль. Овдовевшая девушка, оставшаяся с ребенком на руках, вполне могла попробовать отпустить печальное прошлое, встретить мужчину и получить шанс создать новую семью. Но ведь не сбегать же с работы? Ее и так сейчас почти невозможно найти...

Вечером Тамара так и не вернулась. Пелагея Герасимовна, заподозрив неладное, подошла к секретеру и потянула за шершавую ручку на дверце. Горькие опасения подтвердились. Угол, в котором обычно лежал паспорт Тома, пустовал, а в шкатулке-копилке небрежно лежала пара смятых денежных купюр. Руки женщины затряслись, на глазах же навернулись слезы. Как она могла? Семья – самое дорогое, что есть у человека. Можно ли предать близких в угоду собственных слабостей? Пелагея видела, что горе от потери мужа и тяжелая работа на заводе удручали дочь, но она делала все для облегчения жизни Тамары. В то время всем было несладко, но бегство – сомнительный выход...

Утром женщина собрала внучку и отправилась в ближайшее отделение милиции. Флегматичный дежурный долго отказывался фиксировать сигнал о пропаже человека, ссылаясь на излюбленный миф оперативников – заявление могут принять лишь спустя семьдесят два часа с момента исчезновения. В конечном итоге человек в чине капитана проводил женщину с хныкающей девочкой в кабинет дознавателя. Он принял заявление и отправился с Пелагеей Герасимовной и Лизой к ним домой. Мужчина осмотрел жилище опросил ближайших соседей и уточнил детали у самой хозяйки дома. Лишь в конце обстоятельной беседы она призналась, что Тамара уходила на смену очень рано, и женщина не заметила, как дочь прихватила из секретера свой паспорт и все скромные сбережения.

– Что же вы, гражданочка, самое главное-то утаили? С этого и надо было начинать. Выходит, ваша дочь не пропала, а попросту сбежала! Я, конечно, проведу все необходимые следственно-розыскные мероприятия, но, поверьте моим седидам, на сотню дел об исчезновении, всего около десяти действительно достойны внимания. В остальных же случаях страх близких преувеличен и не оправдан.

Как и пророчил сотрудник милиции, розыскные работы не принесли ожидаемого успеха. Тамару удалось отследить по приобретенным ж/д билетам только до столицы, где и оборвался туманный след беглянки. Случилось ли с ней что-то непоправимое или же Тома продолжила путь автостопом, но это никак не объясняло ее решения бросить семью. Пелагея предположила, что на ее дочь могли выйти бывшие поделщики погибшего мужа, и женщина, чтобы отвести опасность от близких, бросилась в бега.

Время неумолимо шло вперед, оставляя все меньше шансов найти Тамару живой. Лиза уже готовилась к первой в жизни школьной линейке, а новостей о местонахождении ее мамы не было. Когда же девочка перешла в третий класс, Тому признали погибшей и поиски официально прекратились. Пелагея Герасимовна, понимая, что чем раньше внучка узнает правду, тем быстрее смирится и научится с этим жить. Несмотря на то, что потеря самого близкого человека произошла в столь раннем детстве, Лиза все еще помнила маму и часто задавала о

ней вопросы. Помнила тепло ее рук, помнила необычный, желто-кофейный цвет ее глаз, который сама унаследовала. Помнила вкрадчивый голос. Ей не хватало мамы, но она была не по годам сообразительна, и уже понимала – есть жизнь, но есть и смерть...

Бабушка вложила в воспитание внучки всю душу. Да, жили они небогато, но и не бедствовали. Девочка с отличием окончила школу, со всей ответственностью подошла к выбору будущей специальности и подала документы в единственный ВУЗ, на отделение журналистики при филологическом факультете. Пелагее Герасимовне это не нравилось. Она отлично знала, что в этой профессии мало романтики. Зачастую репортеры попадают в опасные ситуации, способные навредить не только здоровью, но даже лишить жизни, однако женщина знала: Лиза, из-за навалившихся трудностей, с детства имела холодную голову и всегда была рассудительна, а значит в журналистику она идет осознанно.

Вступительные экзамены оказались плевым делом для той, кто со школьной скамьи знала родной язык на отлично и по ночам зачитывалась классической литературой, а ее сочинения всегда занимали победные места на различных конкурсах и олимпиадах.

С поступлением в ВУЗ в жизни Лизы начался новый этап, преисполненный ярких впечатлений. Поток учебной информации поглотил девушку с головой. Нередко она возвращалась домой затемно, проводя вечера после занятий в областной библиотеке имени Ф.И.Тютчева. Пожилая бабушка жалела внучку, говорила, что совсем себя не бережет, но вместе с тем, страшно гордилась ею.

– Лисавета, я, конечно, не нарадуюсь на твою тягу к знаниям, но, объясни ты старухе, зачем так усердствовать? Зачетка вся пестрит пятерками, в читальном зале пропадаешь, все сидишь над книгами, зрение портишь.

– Бабуль, ты же знаешь, я верна мечте стать хорошим журналистом, пусть пока и на региональном уровне, но это только начало великого пути. А для достижения цели мне нужно подтянуть теорию.

– Да куда ж тянуть-то? С этой учебой от тебя одни косточки, обтянутые кожей, остались. Ты хоть бы в студенческое общежитие переехала. Все же оттуда сподручнее добираться до учебы, библиотеки, да и до редакции твоей.

– Тебе отлично известны причины, по которым я забиваю голову учебой!

– Лис, ну так ведь не насильничали тебя тогда, хвала всем силам, чего ж ты по сей день грызешь себя изнутри?

Лицо Елизаветы резко потемнело, глаза, цвет и разрез которых она унаследовала от матери, из желто-кофейных превратились в почти черные.

– Больше никогда, слышишь, никогда так не говори! Попытка ничем не лучше самого насилия, и, если бы эти пьяные подонки добились своего, не было бы у тебя внучки, потому что и дня бы после этого не прожила. Или, по-твоему, смерть малолетней обузы облегчила бы твою одинокую старость? Может, мама не сама сбежала, а ты ее вынудила бросить родную дочь?!?

Вместо ответа студентка получила звонкую пощечину. Это первый и единственный раз, когда бабушка подняла на нее руку, а после этого женщина замолчала на три дня. Девушка дала ей время остыть от обиды и только на четвертые сутки осмелилась подойти и заговорить первой.

– Ба, прости, дуру... Я тебе столько гадостей наговорила, но на самом деле так не думаю. Женщина молча слушала, так плотно сжав губы. Что те побелели.

– Я обещаю, что больше ты никогда не услышишь подобного. Прости, моя любимая бабушка Пелагеюшка.

Такое обращение всегда действовало магически. Как бы старушка не сердилась на шалости девочки, стоило ей произнести «бабушка Пелагеюшка», как сердце ее таяло от нежности.

С тех пор между ними не возникало конфликтов и споров. Жизнь шла своим чередом. Пелагея Герасимовна вышла на пенсию, но продолжила подрабатывать на заводе вахтером,

а Елизавета получила красный диплом и устроилась на местный телеканал. Для полной гармонии не хватало лишь Тамары, о местонахождении которой по-прежнему не было вестей. Конечно, официальный розыск женщины был давно прекращен, но материнское сердце продолжало ждать и верить в чудо... Лиза подключила все свои немногочисленные связи в мире журналистике, но, увы, это не приблизило девушку к матери ни на шаг...

Так прошло несколько лет. Елизавета продолжала зарабатывать репутацию самого востребованного репортера области, ее бабушка же, старея, приступила к коллекционированию хронических болячек. Со временем к остеохондрозу, гипертонии и аритмии добавился страшный диагноз – онкология. Раковые кнопки образовали опухоль и настолько стремительно распустили щупальца-метастазы по всему телу, что Пелагея Герасимовна буквально на глазах внучки из пышущей здоровьем крупной женщины высохла до костей. Она стойчески терпела адские приступы боли, стараясь купировать их назначенными лекарствами. От госпитализации она отказалась, понимая, что химиотерапия уже не поможет, да и дорогостоящие импортные препараты лишь ненадолго оттянут неизбежный финал. Старушка угасла, как свеча на ветру, за четыре месяца. В тот день Лиза, будто предчувствуя трагедию, впервые за всю карьеру отказалась от поездки в соседний город по заданию главреда, и помчалась домой. Она с трудом попала трясущейся рукой в замочную скважину. Бабушку она застала в дальней комнате, та лежала на полу у кровати.

– Ба, ну, зачем ты вставала?

Тонкие обескровленные губы разжались и чуть слышно шепнули.

– Лисенок, мое время пришло. Прошу, выслушай... – каждое слово давалось женщине с титаническим трудом, но она перевела дыхание и продолжила.

– Дом наш продай. Как есть продай, ничего не забирай, кроме сундука на чердаке... – Бабушка вложила ключ в ладонь внучки. – Небогатое приданое, но иного нет. Денег должно хватить на покупку жилья в городе, хотя бы на комнату. Не горюй обо мне дюже, я прожила, пусть и не очень долгую, но хорошую жизнь. Благодаря тебе... И ты живи, мой Лисенок, все у тебя будет хорошо. Тебе уготована необычная судьба. Может, когда-нибудь ты найдешь Томочку, и вы будете счастливы.

Губы Пелагеи сложились в поцелуй, и Лиза подставила покрытый ледяным потом лоб. Прикосновение оказалось последним для старушки. Голова ее безвольно откинулась на бок и в этот момент Елизавета поняла, что осталась совсем одна в огромном мире...

Похороны прошли скромно, в кругу пары бывших коллег Пелагеи Герасимовны, нескольких соседей с ближайших домов и Лизы. Перемыв грязную посуду, она погасила свет во всем доме, оставив включенной лишь соляную скалу[5] – единственное оружие Лизы в борьбе со страхом темноты. Она прилегла на кровать. Сон, несмотря на усталость, не приходил. В мягком оранжевом свечении необычной лампы девушка рассматривала фотографии на стенах небольшой комнаты. Вот они с бабушкой в цирке, на плече у каждой по маленькой обезьянке. Она помнила этот момент: сначала девочка испугалась диковинной зверюшки, но, когда острые коготки коснулись шеи, Лизочка испытала неопиcуемый восторг, который и успел запечатлеть ловкий фотограф. Пока проявляли и распечатывали снимок, Пелагея Герасимовна отвела внучку в буфет и угостила попкорном с Пепси. Этот вкус она запомнила навсегда! Бабушка с умилением смотрела на счастливую девчужку, и сама радовалась, как ребенок.

С соседней фоторамки на девушку смотрели ее родители. Папа в простеньком темном костюме, мама – в свадебном, перешитом из бабушкиного, платье и фате. Молодые, красивые, беззаботные. Живые... Если бы они только знали, как изменится их жизнь всего через пару лет...

На следующем изображении Елизавета увидела себя подростком. Долгожданная экскурсия на звероферму. Местный предприниматель, несколько лет занимавшийся разведением

пушных животных на продажу, открыл на территории своего ЛПХ небольшой контактный зоопарк. В те годы подобное развлечение было в новинку, и у подворья каждый день толпились группы школьников и студентов. На фото девочка сидела на широком отполированном пне, а на ее коленях свернулась калачиком лиса-огневка. Зверек казался игрушечным. Патрикеевна лежала неподвижно, проворно пряча влажный носик в огромный пушистый хвост, и лишь бегающие глазки говорили о том, что лиса – настоящая. Лиза аккуратно водила ладонью по ярко-рыжей шерсти, чувствуя тепло и игру мышц под кожей хищницы. В одно из мгновений лиса подняла голову и позволила погладить лобик. Девочка с осторожностью провела пальцами по длинной мордочке. Лисица снова свернулась клубком, и тут же щелкнул затвор фотоаппарата. Подошел сотрудник зоопарка, чтобы забрать зверька. Лиза и опомниться не успела, как плутовка извернулась и попыталась ее укусить. Острые зубы сомкнулись в паре миллиметров от Лизиного запястья.

– Алиса! Нельзя! – крикнул мужчина, поднимая животное за шиворот. – Что с тобой сегодня?

– Ничего страшного, наверное, я ее чем-то напугала, – пролепетала Елизавета и поспешила отойти на безопасное расстояние.

– Прости, пожалуйста, Алиса никогда не кусалась. Мы вырастили ее с маленького лисенка, и она всегда была дружелюбной, – оправдывался работник подворья. – Она тебя поранила? Покажи.

– Не успела, – сказала девочка, закатывая рукав и демонстрируя целостность руки.

Инцидент с лисой немного омрачил впечатления от поездки на звероферму. Но сегодня, спустя почти два десятка лет, Лиза с приятной грустью вспоминала тот день. Ради экскурсии для внучки Пелагея Герасимовна с трудом заняла денег, лишь бы ее Лисенок был не хуже всех в классе...

Лиза окончательно убедилась, что сегодня не уснет и села на кровати. Неожиданно в голове всплыли последние слова бабушки о приданом, спрятанном на чердаке. Девушка прошептала босыми ногами в прихожую, где набросила любимую ветровку старушки. Она все еще хранила запах дешевого порошка и духов с ароматом сирени. Сколько Лиза себя помнила, Ба пользовалась только ими. Даже в лютые февральские морозы от Пелагеи Герасимовны пахло весной и свежестью.

Девушка вооружилась фонариком, натянула шапку и обулась в уличные сапожки. Деревянные ступени приветливо скрипнули и позволили Лизе подняться на чердак. Затхлый воздух наполнил легкие. Она неспешно провела рукой, и свет фонарика начал выхватывать из мрака груды старья. Мешки с вещами и школьными учебниками, игрушки, игрушки, санки и велосипед, лошадка-качалка и многое другое. Лиза еще раз мысленно поблагодарила бабушку за счастливое детство. Надышавшись пылью, она громко чихнула, чем распугала пушистых серых жителей. В попытках скрыться от незваной гостьи мышки тут же зашуршали по углам. Немало времени и сил Елизавета потратила на поиски завещанного бабулей сундука. Огромный ларь прятался в укромном уголке под завалами барахла. Девушка похлопала по карманам пижамы и достала прихваченный ключ, который, спустя мгновение, послушно нырнул в скважину. Несмазанные петли издали неприятный скрежет, и Лиза с трудом отбросила обитую железом крышку. «Брюхо» сундука хранило множество мелких вещей, часть которых сходу привлекли внимание девушки. Она сдвинула в сторону кучу тряпья и на освободившееся место складывала то, что доставала из тайника. Сначала Елизавета взяла пару браслетов. Один был сплетен из разноцветных кожаных полосочек, второй – из бисера разной калибровки. Она по очереди приложила украшения к запястью: до чего же необычные безделушки. Вдоволь налюбовавшись, она отложила их в сторону и продолжила знакомиться с приданым. Следующим объектом изучения стал набор из бус и серег. Мелкие бусинки приятно поблескивали в свете фонарика. Девушка присмотрелась и заметила среди цветных шариков еще и странные сим-

волы. Похожи они были на рунические. Еще больше ее удивила следующая находка – нечто, похожее на брелок. Пушистое лисье ушко, прикрепленное к сплетенной из ленточек петельке, так и просилось к связке ключей.

– И откуда у Ба столько странных вещей? – шепнула самой себе Лиза.

Она продолжила копаться в сундуке, все больше удивляясь его содержимому. Непонятного происхождения атрибутика настолько впечатлила девушку, что даже обнаруженный сверток, замотанный в цветастый платок, не вызвал должного интереса, а находка между тем заслуживала внимания. Елизавете всегда казалось, что они с бабушкой перебиваются с копейки на копейку, но здесь, на вскидку, было не меньше миллиона.

– Вот так Ба! – восхитилась бабушкиной практичностью внучка, но тут же огорчилась, осознав, что эти накопления, возможно, могли бы продлить жизнь старушки.

Отложив деньги в сторону, Лиза достала из сундука что-то тряпичное. Развернула и вновь испытала удивление. Ладони девушки держали льняную рубаху в пол, расшитую славянской символикой. Здесь же была невероятной красоты понёва[6], а под ней лежала пара настоящих лаптей из лыка. Облачению было минимум полвека, но нити, сплетающиеся в причудливые узоры, все еще были крепкими и хранили яркость цветов. Елизавета не удержалась и приложила к плечам наряд.

– Невероятная красота! – ахнула она, – неужели Ба занималась в каком-то кружке самодеятельности? Но она никогда об этом не говорила...

На дне ларя нашлось очелье[7] из бисера с рясами[8], выполненное в стиле найденного ранее браслета. Лиза примерила и его. Последним в списке находок стал небольшой холщовый мешочек, в свете фонаря казавшийся почти черным. Девушка аккуратно потрясла его, и содержимое отозвалось приятным перестуком. Дернув за тесьму, она высыпала на ладонь горстку небольших камней. Их оказалось пятнадцать, и на бочке каждого Лиза обнаружила начертания рун. Благодаря курсу старославянского, который она поверхностно изучала в университете, девушка немного разбиралась в славянских письменах, но эти символы она видела впервые. Она рассмотрела каждый. Одни были похожи на геометрические фигуры и математические знаки, другие – на современные латинские буквы, третьи – отдаленно напоминали схематические изображения животных.

– Занятое приданое, с какой стороны не посмотри... – задумчиво прошептала Лиза.

Она сложила все содержимое сундука, кроме свертка с деньгами, обратно, и, положив фонарик в ноги, опустила вспотевшие ладони на вещи. Она закрыла глаза и представила бабушку в славянском одеянии, что вызвало улыбку умиления, а руки будто почувствовали приятное тепло. Так, на коленях, она просидела несколько минут. В полной тишине разбежавшиеся мышцы осмелели и вновь зашуршали по углам. Елизавета опустила тяжелую крышку ларя, взяла накопления и неторопливо покинула чердак.

Несмотря на то, что на работе Лизе дали недельный отгул, уже на следующее утро она отправилась в редакцию. По пути девушка заглянула в банк и открыла счет, на который внесла бабушкины сбережения. Бессонной ночью она твердо решила исполнить последнюю волю Пелагеи Герасимовны – приобрести квартиру в черте города, а до вступления в наследство и последующей продажи полученного дома сберечь найденные на чердаке деньги.

– Лизочка, я таки бесконечно сопереживаю твоей невосполнимой утрате! – вскрикнул Давид Моисеевич, вставая из-за стола.

Мужчина по-отечески заключил сотрудницу в объятия и поцеловал в макушку.

– Спасибо, Моисеевич, – ответила Лиза и немного отстранилась. Главред вернулся на рабочее место.

– Девочка моя, а что ты здесь делаешь? Я таки отчетливо помню, что запретил тебе появляться в редакции как минимум неделю. Или ты надумала (только попробуй) уволиться?

– Не дождетесь... – слабо улыбнулась Лиза. – Не могу я дома находиться, честное слово... Все время кажется, что бабуля вот-вот войдет в кухню, обнимет, заведет разговор, как всегда, спросит о пожеланиях на ужин. Но... Нет, этого больше нет... И никогда не будет...

– Лиза, ты рвешь мне сердце на мелкие кусочки. Ничего не говори, я все понял. Есть у меня для тебя одно задание. Хотел на следующей неделе поручить, но раз уж работа для тебя таки лучшее лекарство от горя, то принимайся сегодня.

Елизавета получила от главреда подробности и тем же днем приступила к сбору информации. Говоря о работе, как способе залечить душевную рану, Давид Моисеевич попал в яблочко. Только любимое дело могло хотя бы частично заглушить внутреннюю боль. После похорон единственного близкого человека Лиза трудилась на износ. И без того худое лицо осунулось, глаза ввалились, а черные круги вокруг них не мог замаскировать ни один тональный крем. Она прожила в режиме Non-stop полгода, точнее, просуществовала, превратившись в бездушную машину. Лиза бралась за любую работу. Цыгане захватили несколько домов в частном секторе? Появился расхититель могил на городских погостах? Неудачный прыжок подростка-экстримала с заброшенного здания психоневрологического диспансера? Она всегда появлялась в числе первых репортеров, выехавших на место событий. Коллеги в редакции за спиной девушки шептались о том, что та поймала «звездную болезнь» и стала жадной до славы и, как следствие, денег. Но только ей было абсолютно плевать на общественное мнение, достаточно того, что правда заключалась в ином.

– Лизочка, побереги таки себя! От тебя уже одни косточки остались, обтянутые кожей! Ты хоть что-нибудь ешь? Пицца для ума не в счет. А когда в последний раз спала?

– Моя бабушка всегда так говорила про косточки... – только и ответила воспоминанием девушка на сокрушения главреда.

– И я с ней категорически согласен!

[1] Вид единоборства – это боевое искусство Таиланда, произошедшее из древнего тайского боевого искусства муай боран и схожее с другими индокитайскими боевыми искусствами, такими как прадал серэй (Камбоджа), томой (Малайзия), лэхвей (Мьянма) и муай лао (Лаос).

[2] Приведена цитата из песни «Мужики» Тимура Султановича Шаова (род.1964, российский поэт, сатирик автор и исполнитель песен).

[3] Нунчаки – восточное инерционное холодное оружие ударного, ударно-раздробляющего и удушающего действия.

[4] Упоминается «Божественная комедия» – поэма, написанная Данте Алигьери в период с 1308 по 1321 год.

[5] Соляная скала – это лампа, состоящая из большого цельного кристалла соли, играющего роль плафона. Он может быть разной формы, объема и веса.

[6] Понёва – это элемент русского народного костюма, женская шерстяная юбка из нескольких кусков ткани (как правило, темно-синей клетчатой или черной) с богато украшенным подолом.

[7] Очелье – это часть головного убора у древних славян, служившая для поддержания волос. Часто было украшено сакральным орнаментом и символами защиты от злых духов.

[8] Рясна – это подвески, дополняющие очелье. Часто был выполнен из бусин, бисера, металла и даже драгоценных камней, в зависимости от социального статуса владелицы.

Глава 2

Прошло почти полгода. Приближалось время вступления в наследство, и притупившаяся боль вновь напомнила о себе. Лиза настолько загнала себя в угол, что пришла к единственному выводу – пора звонить подруге Кате, о которой, в свете последних событий, девушка совсем забыла. Екатерина же в свою очередь не обижалась. Несколько лет назад Лиза обратилась к ней за психологической помощью. Особой пользы сеансы с начинающим «врачевателем душ» не принесли, но, со временем, общение девушек переросло в крепкую надежную дружбу. После смерти Пелагеи Герасимовны Катя стала единственной, кто искренне поддерживал подругу, достойно выдерживая игнор, или же, напротив, полуночные звонки со слезами и истериками.

Сегодня, после молчания, продлившегося почти месяц, Лиза решила на звонок.

– Привет, Катюш... – уставшим голосом поздоровалась Елизавета.

– Здравствуй, родная, знала, что на днях позвонишь, ведь полгода на исходе...

– Твоя пронизательность меня всегда пугает.

– Ну, значит, не зря ем хлеб психолога. Как ты?

– Спасибо, терпимо, но как подумаю, что придется покинуть любимый дом, так сердце стучать отказывается.

– Лиз, я тебе уже говорила: бабушка сама просила продать дом и купить новое жилье. В конце концов, ты же не обманула старушку, не обокрала, а смена обстановки обязательно пойдет тебе на пользу.

– Думаешь?

– Не думаю, а знаю, поверь моему опыту. В этих стенах тебе все напоминает о потере самого близкого человека. Заберешь пару фотоальбомов, несколько любимых кружек и вперед – в новую жизнь. А там, может, и на личном фронте наладится. Пора замуровать твою ненависть к сильному полу и впустить в сердце надежного мужчину.

– Давай не будем о грустном. Я понимаю, далеко не все мужики – похотливые самцы, способные на надругательство над женщиной, но в наше время рыцарей нет – доезжают только кони.

В попытках сдерживать нарастающий гнев, подруга шумно вздохнула.

– Ты плохо искала, поэтому и не встретила еще "того самого".

Они проговорила больше часа, и Екатерине все же удалось объяснить Лизе, что продажа дома не есть предательство по отношению к бабушке, но это шанс изменить жизнь, и уже на следующей неделе девушка приступила к оформлению необходимых документов. Спустя некоторое время Елизавета уладила бумажные дела и купила квартиру. «Вторичка» встретила новую хозяйку весьма потрепанной обстановкой.

– Ну, что ж, это мы с тобой исправим, – обратилась девушка к «двушке».

Вскоре вынужденный ремонт начал отвлекать Лизу от грустных мыслей, особенно в те дни, когда к ней на выручку приезжала Катя и помогала не только клеить обои и прикручивать плинтусы, но и «латала» искалеченную душу Лизы. Общее дело настолько сплотило девушек, что теперь Лиза все чаще пропускала тренировки по тайскому боксу ради встреч с подругой.

В один из вечеров, когда они покончили с поклейкой обоев в малой комнате и решили это отметить бутылочкой игристого, Лиза наполнила бокалы и задумчиво произнесла:

– Да... Такими темпами, к концу ремонта, я растеряю все навыки в Муай Тай... Давай, что ли, выпьем за мое скорейшее возвращение в спортзал?

Катя отрицательно покачала головой.

– Нет, дорогая моя, я хочу поднять тост за, чтобы в комнате, где мы сегодня поклеили обои, в скором времени раздался детский смех... – Девушка, не дожидаясь ответа подруги, аккуратно стукнула своим бокалом о нее и залпом выпила шампанское.

– Опять ты за старое, Катя...

Между тем, Екатерина все же решила завести разговор на опасную тему.

– Лиз, можно задать вопрос? Что тебе дают эти занятия?

Лиза заметно напряглась, но ответила спокойно, сдерживая раздражение.

– Тебе ли не знать, о великий врачеватель моей души, что я записалась в три секции еще в тринадцать лет. И была бы рада сказать, что сделала это ради праздного любопытства, но...

– Я знаю твою историю. Тогда тебя чуть не изнасиловали, и, Слава Всевышнему, ублюдки не довели начатое до конца, но все же получили по заслугам. Именно в тот период ты и записалась на единоборства, чтобы больше никогда не дать себя в обиду. И это абсолютно нормальная реакция – иметь желание научиться защищать свое тело, чтобы больше не пострадала душа. Но, Лиз, сколько лет прошло? Почти двадцать?

– Восемнадцать...

– Вот об этом я и говорю! – Катя повысила голос. – Ты до сих пор считаешь года, а, значит, воспоминания слишком свежи и болезненны. Но тебе пора отпустить тот день...

– Вечер... Это был вечер... После репетиции в школьном театральном кружке... С тех пор я терпеть не могу самодеятельность...

– В-о-о-о-т! В этом и есть твоя основная проблема! – Указательный палец Катериной правой руки несколько раз постучал по Лизиному лбу. – В твоей голове прошлое до сих пор проецируется на настоящее. В твоих воспоминаниях любая театральная постановка – причина случившегося. Если бы не репетиция, ты бы в тот вечер осталась дома, с бабушкой, или гуляла бы неподалеку с ребятами. Но, ты же понимаешь, что это не так. Если бы не тогда, то трагедия могла бы разыграться в любой другой из дней.

– Понимаю... – выдохнула Лиза.

– Тогда отпусти уже свои страхи. Твоя жизнь не исправится до тех пор, пока сама не захочешь что-либо изменить. И рождение ребенка – лучший вариант для тебя. Твой искалеченный мир перевернется с ног на голову, у тебя появится стимул, будет ради кого каждое утро открывать глаза. Я же не заставляю тебя выходить замуж, мы не в Советском Союзе, где одинокую маму были готовы поднять на вилы.

Лиза разозлилась.

– А где же твои дети?!?

Катя спокойно ответила на выпад подруги:

– Ты отлично знаешь, сколько у нас с мужем было выкидышей, и, тем не менее, мы не сдаемся. Если в следующем году ЭКО не поможет, то усыновим малыша.

Елизавета коснулась плеча Кати.

– Прости, я не хотела...

– Проехали, я знаю, что ты не со зла. А насчет твоих страхов – не можешь отпустить, так победи их. Докажи самой себе, что достойна быть счастливой. Надери им задницу в стиле твоего любимого Мяу Тау!

Лиза рассмеялась и поправила Катю:

– Ладно, я подумаю над твоими словами, обещаю. И, если что, Муай Тай!

По настоящему совету подруги, больше похожему на царский указ, Елизавета пересмотрела прошлое, проанализировала настоящее и, как смогла, спрогнозировала ближайшее будущее. Конечно, речь о детях пока не шла, но закончила ремонт и спустя пару месяцев познакомилась с Игорем. Катя искренне радовалась, не обращая внимания на очередное затяжное молчание «подруги-пациентки». Спустя полгода редкой переписки девушки созвонились.

– Привет, Лисичка, звонишь пригласить на свадьбу? – учти, я готова прийти только в качестве подружки невесты! – весело сказала Катя.

– Спешу тебя разочаровать, дорогая... – почти шепотом произнесла Лиза.

Девушка в красках описала последнюю встречу с возлюбленным. Вместо ожидаемых утешений преданная Игорем Лиза услышала следующее.

– Значит так, товарищ журналист Лисовская, поручаю тебе важное задание. Для начала необходимо оформить отпуск. Кстати, когда ты в последний раз им наслаждалась?

– Не помню... – промямлила ошарашенная нахрапом подружки Елизавета. – Давно, еще бабушка была жива, а так пару раз брала отгул.

– Ясно, бессмертный пони. Так, берешь отпуск, едешь подальше и там отмечаешь свой день рождения.

– Ну...

– Хватит наматывать сопли на кулак! Это я как психолог говорю. Одни неудачные отношения еще не повод ставить на себе крест. Считай, что получила шанс – в новом жизненном году. Если не определишься с местом для отдыха – я помогу. Все, никаких возражений я в этот раз не принимаю, хватит жалеть себя, тебе почти тридцать два, пора уже взрослеть. Соберись, моя любимая тряпка!

Пока Лиза не пришла в себя и не успела подобрать слов для достойного ответа, Катя отключилась. После такой эмоциональной пощечины девушка почувствовала неожиданное облегчение. За непродолжительные отношения с Игорем внутренний барьер дал трещину, и теперь Лиза поняла, что стала меньше бояться мужчин. Она решила прислушаться к наставлениям Кати и, взяв ноутбук, заполнила поисковую строку: «Где провести отпуск». Всю ночь девушка изучала сайты турагентств, но так и не нашла за что зацепиться глазу. Подремав пару часов на рассвете, она встала, привела себя в порядок и отправилась в редакцию.

– Девочка моя, Хвала Небесам за то, что мне таки посчастливилось прямо с утра лицезреть твою милую мордашку! – Как всегда, с радостью встретил Лизу Давид Моисеевич в своем кабинете.

– Доброе утро, Моисеевич, есть разговор, – улыбаясь шутке босса, перешла к делу девушка.

– Цветочек мой, я же тысячекратно говорил-таки, что мое сердце рвется на две идентичные части. В одной живет любовь к тебе, в другой – к жене. Ты таки страшно горячая штучка, но я паникую на предмет скандала с моей бесценной Розочкой Марковной. Она, конечно, интеллигентка в пятом поколении, но это не запретит ей разбить о мою седую голову прикроватный светильник!

Богатое воображение размашистыми мазками нарисовало в голове описанную главредом ситуацию, и Лиза, не сдержавшись, расхохоталась чистым и звонким смехом. Меж тем мужчина продолжил:

– Давай, смейся над старым больным человеком. Ты хотя бы потом на торжественное погребение того, что от меня останется, приди, почти память старика. Ты же по этому поводу пришла?

– Нет, – лаконично ответила Лиза, вытирая слеза смеха с лица.

– Как? Уж не хочешь ли ты сказать, что эти шакалы с нового вшивого канáлишки таки растопили твое ледяное сердце и ты, поддавшись обещаниям золотых гор, решила бросить меня на произвол судьбы?!? – Давид Моисеевич от натуги стал красным, как налитое на солнце яблоко.

– За кого вы меня принимаете? Я хоть раз дала повод усомниться в себе?

– Конечно, нет, но вы, женщины, такие непостоянные особы... Тогда что стряслось?

– Моисеевич, соберитесь уже, разговор действительно важный. Я приняла взвешенное решение – мне пора в отпуск.

Главный редактор откинулся в кожаном кресле и хлопнул себя по животу обеими ладонями.

– Лопните мои перепонки и залейте кровью мое большое пузо! Таки дождался на стрости лет – Лисовская наконец-то собралась в отпуск! Нет, ну сегодня точно полетят камни с неба! Но хватит лирики, лучше скажи: на какой таки курорт ты обрушишь свою накопленную за столько лет усталость?

– Еще не определилась, если говорить откровенно, но, надеюсь, в ближайшее время решить этот вопрос. Но если ничего не понравится, то просто отосплюсь дома за пару недель.

– Шо ты такое говоришь? Сорок пять календарных дней, не меньше, и чтобы духу твоего в редакции не было эти полтора месяца! Хоть на Луну лети, но про работу забудь! А теперь дуй к себе и пиши заявление на отпуск!

Лиза закончила бумажные дела и вышла на крыльцо. Оглянувшись, она увидела в окне Давида Моисеевича, который махал ей пухлой рукой и посылал воздушные поцелуи. Кивнув с улыбкой в ответ, она спустилась по ступеням, ставшими такими родными за много лет, и отправилась к остановке. Остаток дня девушка провела в объятиях лени. Посмотрела пару любимых фильмов, послушала подборку зарубежных рок-хитов и снова засела за ноутбук. Десятки однотипных сайтов, по-цыгански зазывающих красочными рекламными баннерами, так и не смогли подкупить разборчивую будущую туристку. Она рассматривала варианты отдыха и за рубежом, и на просторах России-матушки, но так и не сделала выбор. Ближе к полуночи Лиза решила проверить электронную почту в надежде, что Давид Моисеевич опомнился и разорвал ее заявление на мелкие кусочки, и теперь просит вернуться к работе. Однако в папке входящих красовалось лишь одно новое письмо, но не от главреда, а от некоего Geralt_1991. Увидев в теме «Поездка, меняющая жизнь», Лиза приняла послание за массовую рассылку, но все же открыла его. Вместо яркой рекламной агитационной размазни перед девушкой открылся лаконичный текст:

"Ты можешь отправить это письмо в «Спам», даже не прочтя, но сей опрометчивый поступок лишит тебя самого главного приключения в жизни. Пафосно? Возможно, но только в том случае, если ты в свои тридцать с "хвостиком" уже ничего не ждешь, кроме выхода на пенсию. Надеюсь, это не про тебя. И если я прав, то буду ждать тебя 13 апреля в СПб, откуда мы отправимся к Березовым Островам. Почему именно туда? Узнаешь, когда примешь важнейшее для себя решение – согласишься на поездку, чем кардинально изменишь свою жизнь".

Прочитанное вызвало смешанные чувства. Лиза не могла объяснить внезапно возникшее желание посетить указанное место. Она поискала информацию в интернете и укоренилась в мысли, что нашла то, что искала. В нетерпении поделиться новостями, она позвонила подруге.

– Катюня, прости за поздний звонок, но до утра меня просто разорвет на молекулы от счастья! – выпалила Лиза, едва услышала сонный голос Кати.

– Лисовская, поздний звонок – это до полуночи, а сейчас половина второго! Что случилось? Спи, это по работе, – обратилась Екатерина уже к мужу.

– Прости, что и Олежку разбудила. Просто я сегодня написала заявление на отпуск и даже выбрала место для отдыха.

Подруга тут же оживилась.

– О, вот уж действительно отличные новости. Ради них стоило поднять меня с постели. И куда едешь? Или летишь? Надеюсь, не на край земли?

Лиза негромко рассмеялась.

– Не земли, но России.

– Объяснись, а то я спросонья плохо соображаю.

– За бугром мне неинтересно, несмотря на то, что никогда не покидала нашу страну. К тому же, я впервые в жизни получила знак.

Лиза рассказала подруге о полученном письме на электронку. Катя возмутилась.

– Повтори-ка! Какой Геральт? Какие Березовые Острова? Какой Финский Залив? Услышь себя, Лиза. Ты получила спам, и теперь готова вязаться в сомнительную авантюру? Я тебя не узнаю!

– Катюш, я уже взрослая девочка, сама завязываю шнурки, и все такое. И, кстати, не ты ли говорила, что мне пора сменить обстановку?

– Я от своих слов не отказываюсь, но Финский Залив?

– А вдруг там случится такое, что подтолкнет меня к осуществлению давней мечты? Помнишь?

– Да, конечно, ты хотела попробовать свои силы в писательстве.

– Пра-а-а-а-вильно говоришь, – сказала Лиза с интонацией кошки из мультфильма "Серебряное копытце". – Вот только книжный рынок в наше время чересчур переполнен и, увы, не самой качественной литературой. Сейчас в приоритете СЛР[1] или же многотомники о попаданцах[2] в абсолютно неадекватные параллельные миры, где юные магички переносятся в Академии для ведьм и колдунов, и начинают гонять на розовых единорогах в поисках драконов, с которыми в последствии творят пошлые непотребства.

Катя коротко хихикнула.

– Ну, это ты уже перегибаешь.

– Нисколько. Могу в качестве доказательства скинуть пару ссылок. Но мы отклонились от темы. Я не готова плыть в общем потоке, поэтому, так и не нащупав неформатного сюжета, до сих не взялась за перо. Возможно, грядущая поездка вдохновит меня и я, наконец, смогу найти подходящую тему.

– Осмелюсь предположить, что выбранный вариант – окончательный.

– Ты же меня знаешь.

– Да, проще поезд на полном ходу остановить, чем тебя переубедить. Может, ты хотя бы разрешишь сопровождать твою буйную головушку?

– Кать, без обид, но нет. Я же не в тайгу еду. Эти острова – излюбленное место туристов, тем более с нами будет гид. Валяться днями на берегу моря и потягивать коктейли – не моя тема. Мне важен духовный отдых, а не телесный, поэтому я выбрала это место. И, да, полученное письмо с предложением я воспринимаю в качестве знака, ниспосланного свыше, а не банальной рекламной рассылки.

– Ладно, поступай, как знаешь, лишь бы эта поездка пошла тебе на пользу. Только пообещай выходить на связь. Обнимаю тебя, доброй ночи.

Девушки тепло попрощались, но спать Лиза легла не сразу. Еще некоторое время она провела на просторах интернета, выясняя подробности оформления поездки. Поскольку острова располагались в приграничной с Финляндией зоне, их посещение требовало наличия определенных документов.

Утром Елизавета позвонила любимому начальнику.

– Только не разрушай мою психику новостью о том, что передумала-таки уходить в отпуск! – вместо приветствия выдал главред.

– Нет, Моисеевич, отставить панику, но мне нужна ваша помощь.

– Все что угодно за умеренную плату, птичка моя.

Лиза рассмеялась и пообещала, что расцелует старика при первой же встрече.

– Маловато, конечно, но я и на этот барыш согласен, так что уже, наконец, надо?

– Я решила отправиться к Финскому Заливу, но мне понадобится спецпропуск, а его нужно заказывать минимум за месяц до поездки.

– Тю, нашла проблему! Один звонок Фиме в Питер и через три таки дня все готово. Это ж мой одноклассник, солидный человек, при больших погонах. Кстати, холостой, как учебный патрон. Хочешь, познакомлю?

– А ревновать не будете?

– Шо за вопрос, конечно, буду. Я вот тебе сейчас предложил, а сам таки уже извелся!

– Куда же я от вас, Давид Моисеевич?

– Таки да, только в бездну. Ладно, сейчас порешаю твой вопросик, будь на связи. Целую твои мысли.

Лиза обожала «большого босса», обожала искренне, без попыток выслужиться или затащить старика в постель ради очередного повышения или добавки к зарплате. Он для нее – единственный мужчина, которого можно было не бояться. Моисеевич всегда относился к девушке с доброй иронией, придающей ему еще больше национального шарма, при этом Лиза не чувствовала едкости в шуточках начальника. Хотя многие из них были ниже пояса. В отличие от коллег по редакции, в числе коих были объекты похотливых мыслей главреда, Елизавете посчастливилось ни разу не почувствовать потную ладонь на своих не самых аппетитных частях тела. Возможно, она просто не была во вкусе Давида Моисеевича, но девушку грела мысль, что шеф ее, одну из немногих, по-настоящему уважает. Лиза была предана любимому делу всей душой, и руководство платило ей тем же, отдавая самые интересные и прибыльные заказы.

– И что он в этой Лисовской нашел? Ну, на мордаху ничего, вроде, но остальное? "Доска-сороковка", с какой стороны ни посмотри, – сплетничали Римма и Марина из отдела рекламы. – То ли дело – я! Моисеевич только и пускает на меня слюни и за задницу шупает, а все заказники этой пацанке отдает!

Через пару дней, когда все дела были утрясены, а прямой билет до Санкт-Петербурга лежал зажатым, будто тисками, страницами паспорта, Лиза отправилась на вокзал. Она сообщила Кате, что провожать ее не стоит.

– Катюнь, складывается ощущение, что я не в отпуск собралась, а на фронт. Пожалуйста, хватит разводиться влажностью, я и так в Питер еду, а там своей воды хватает. Я обещаю тебе звонить.

Однако, Лизины аргументы не подействовали на сентиментальную психологиню, которая в день отъезда поджидала подругу на перроне. При этом она была не одна. Возле стройных ног, подбоченившись ляжками, стоял пузатенький рюкзак.

– Ты серьезно? – с удивлением спросила Лиза, забыв поздороваться.

– А сама как думаешь? Я не позволю твоему тощему бездыханному тельцу биться о берега Осиновых, или каких там, островов, пока я здесь буду сходить с ума от волнения.

– Во-первых, Березовые, а не Осиновые, – с улыбкой поправила подругу Лиза. – Во-вторых, откуда такой пессимизм в твоих рассуждениях? Не вы ли, госпожа Борисова, отправляли меня в отпуск для смены обстановки?

Лукавый взгляд желто-кофейных глаз сфокусировался на Екатерине.

– В отпуск – да, но не на поиск приключений для пятой точки! – парировала Катя. – Чем эта поездка будет отличаться от банальных командировок, из которых ты не вылезашь?

Лиза задумалась. Действительно, чем? В сущности, ничем, но такова ее натура – всегда и повсюду находить возможность поработать головой. Пусть это будет своего рода авансом к осуществлению мечты: стать писателем.

– Катя, все будет хорошо, если уж что-нибудь случится, ты узнаешь об этом из новостей, или вообще из окна увидишь! Я почти уверена, что вернусь целой-невредимой, на зло врагам, на радость близким, преисполненной новых творческих идей. Так что зря ты тащила рюкзак в такую даль, возвращайся домой.

Подруги еще некоторое время постояли у нужного вагона, и вскоре, после призывного гудка, поезд не спеша покатился в сторону северной столицы. За окном Лиза видела родные пейзажи, в большинстве своем, еще по-весеннему, серые, ибо тепло в середине апреля пока не баловало. Девушка предусмотрительно прихватила несколько теплых вещей, понимая, что едет в еще более холодные места. Она поймала себя на мысли, что Катя во всем оказалась права. Опять. Елизавета отнеслась к неожиданному и вполне заслуженному отпуску как к очередному

заданию редакции. Проложила маршрут, тезисно набросала "костяк" поездки и обрисовала конечную цель.

Спустя пятнадцать часов, большую часть которых Лиза спала на верхней полке, девушка оказалась на перроне Московского вокзала в Питере. Ей доводилось бывать здесь и раньше, но две поездки были студенческими экскурсиями, третья – рабочей вылазкой. Трижды Лиза побывала в северной столице, но так и не осуществила заветной мечты: прикоснуться к легенде и посетить нетленную котельную "Камчатка". Если и в этот раз она "пролетит" мимо – это станет бескомпромиссным предательством собственных идеалов и принципов.

Лиза, еще не спустившись в метро, уединилась и отзвонилась сначала подружке, затем – главреду.

– Остановите эту грешную планету, я сойду! Таки дождался я звонка от своей звездочки! Как доехала?

– Доброе утро, Давид Моисеевич, рада вас слышать. Добралась нормально, почти всю дорогу спала.

– Ну, хоть выспалась.

– Да, стук колес и плавное покачивание вагона – лучшее снотворное. Что там по вопросу моего пропуска?

– А я уже подумал, что ты таки позвонила, потому что соскучилась...

– Конечно, соскучилась, с самого момента расставания.

– Ой, лъстица-лисица. Ладно, сейчас наберу Фиме.

Через несколько минут Давид Моисеевич перезвонил Лизе и сообщил, что друг детства сможет выдать спецпропуск через пару-тройку часов. Девушка пообещала оказаться на парковке нужного ведомства в указанное время, для себя же она твердо решила: во что бы то ни стало уложиться и, наконец, своими глазами увидеть культовое место воочию. Пришло время перестать любоваться "Камчаткой" только на фотках в сети. Она спросила у любимого браузера с "заморским" именем как добраться до нужного места на общественном транспорте. Выяснилось, что от осуществления заветной мечты Лизу отделяет получасовая поездка на метро до станции "Спортивная", небольшая пешая прогулка по Петроградской стороне и, вот он, заветный питерский "двор-колодец", встречающий паломников со всей страны угрюмым взглядом окон и серостью стен. Хотя, первые этажи, равно как и входы в парадные, и даже обособленно стоявшая трансформаторная будка, хранили на себе граффити, цитаты из песен и стихов Виктора Цоя, его портреты и автографы поклонников творчества легендарного музыканта с обещаниями вернуться.

Здесь, в подвальном помещении дома №15, по улице Блохина, избегали статьи за тунеядство лучшие таланты конца 80-х: Башлачев, Задерий, Машнин, Котельников, Бондарик и, конечно, сам Цой. И вот сейчас, она стоит в месте паломничества поклонников рок-кумира. Вдоволь полюбовавшись народным творчеством и сделав серию снимков на любимый Canon, Лиза подошла к входной группе музея-клуба. На обшарпанной стене она увидела барельеф лидера культовой группы "Кино", слева от которого располагался спуск в цокольный этаж с графиком работы и анонсом грядущих музыкальных мероприятий. Лиза взглянула на наручные часы и с огорчением поняла, что до ближайшей экскурсии больше часа.

– Что вы хотели? – спросила подошедшая девушка, на рюкзаке которой красовался профиль Цоя.

– Здравствуйте, похоже, уже ничего. Внутри можно попасть не раньше часа дня, но я ограничена во времени. Значит, мечта увидеть "Камчатку" так и останется мечтой... Что ж, буду утешаться мыслью о том, что мне удалось подышать одним воздухом с Витей. "О, это сладкое слово – "Камчатка"", – неожиданно пропела Лиза.

Незнакомка некоторое время стояла молча, после чего достала из кармана связку ключей и, улыбнувшись, сказала:

– Идем.

Спустя несколько минут Елизавета, переступая порог, испытала благоговейный трепет. Три десятилетия назад, с 86-го по 88-й год, Виктор Цой приходил сюда по графику "сутки через трое". И располагалась здесь тогда не культовая "Камчатка", а банальная общага, относившаяся к трамвайно-троллейбусному управлению, а в ее подвале – обычная котельная.

Пока Лиза осматривала помещение, барменша запустила кассу, после чего обратилась к посетительнице:

– Пивка или чего покрепче?

– Нет, спасибо, я бы не отказалась от сока манго.

– Без проблем.

Очень скоро перед девушкой появился прохладный запотевший бокал с ярко-оранжевым напитком, а рядом – пара бутербродов с ветчиной и сыром.

– Бўтики за счет заведения. У тебя голодный вид.

– Вы не представляете, насколько они вовремя.

Только сейчас, взглянув на угощение, она поняла, что в последний раз ела еще до отъезда. За непринужденной беседой Лиза поконила с внезапным завтраком, после чего началась долгожданная экскурсия. Девушка во все глаза рассматривала незатейливые экспонаты, к некоторым из которых даже удалось прикоснуться.

– Оксана, я видела на котле переделанную в лопату гитару. Неужели та самая?

Собеседница усмехнулась.

– Ага, миллионная по счету.

– В каком смысле?

– Ты знаешь, сколько "тех самых" гитар продали за первую неделю со дня смерти Цоя?

– Поняла... – с грустью ответила Лиза.

Закончив осмотр культовой кочегарки, Елизавета тепло попрощалась с новой знакомой и отправилась за документами. Давид Моисеевич "состыковал" любимую сотрудницу с другом детства и в назначенное время Лиза встретила с Ефимом Карловичем на парковке учреждения.

– Лопните мои глаза, какая красавица! Если бы Давид Моисеевич до смерти не любил свою дражайшую Розу Марковну, то всенепременно предложил бы вам суповой набор из руки и сердца!

Лиза искренне рассмеялась над пошловатыми шутками друга босса и через несколько минут забавного диалога получила вожденную бумагу. А еще за четверть часа общения стало абсолютно ясно, почему ее шеф всю жизнь дружит с этим человеком. Они казались единокровными братьями, прослеживалось даже внешнее сходство, не говоря уже о манере разговора. Когда Ефим Карлович скрылся за рабочей дверью, Лиза открыла в смартфоне электронную почту. Это казалось странным, но именно этим способом Геральт впервые заявил о себе, и теперь продолжал общение только здесь. Елизавета пыталась выйти на молодого человека в соцсетях, впрочем, поиски не увенчались успехом. Что ж, у каждого есть право на собственные странности, которые придают своему обладателю больше шарма, поэтому девушка, не вникая в особенности, решила написать Геральту, чтобы договориться о встрече. Но едва изящные пальцы коснулись сенсорного экрана, как в папке "Входящие" отобразилось новое письмо.

"Приветствую, чувствую, ты уже рядом. Встретимся через час. Адрес ниже".

"Как я вас узнаю?"

"Вы не ошибетесь".

– И как он догадался, что я собиралась сама написать? И что это за "Чувствую"? – вслух спросила Лиза и машинально огляделась по сторонам.

За час дороги приступ паранойи сошел на нет, и гостя северной столицы окончательно укоренилась в мысли, что подозрения в слежке – полный бред.

Когда Геральт говорил о том, что Лиза узнает его с первого взгляда, он не преувеличивал. Стоило девушке остановиться в нужном месте, как к ней подошел незнакомец весьма неординарной внешности. Брутальное тело, облаченное в кожаную "косуху" и черные штаны. На ногах были надеты "стиллы"[3] со стальными носами. Тыльные стороны обеих ладоней украшали одинаковые татуировки с изображением оскалившегося волка. Но вся эта красота меркла и теряла блеск в сравнении с глазами... Радужная оболочка каждого из них имела неестественно бледно-голубой, почти белый, цвет, а от зрачков "разбегались" черные вкрапления. В дополнение к этому молодой человек обладал роскошной пепельной шевелюрой до плеч, собранной на затылке в крепкий хвост. Волосы отнюдь не казались окрашенными, от чего вызывали еще большее удивление.

– Ты Лиза? – уточнил молодой мужчина.

– А ты, очевидно, Геральт. И, надо полагать, прямиком из Ривии? – Она вдруг вспомнила кого ей напомнил новый знакомый. – Он же Мясник из Блакивена, он же Убийца чудовищ, Мутант из Каэр Морхена, Белый Волк и, наконец, Ведьмак[4].

Парень обворожительно улыбнулся.

– Любимая книга?

– Я бы сказала назвала ее настольной. В целом, образ выдержан, но с линзами ты, Акела[5], промахнулся. У Ведьмаков, в результате проводимых над ними экспериментов, глаза приобретали желтый цвет.

Геральт нисколько не обиделся на замечание девушки.

– Судя по цвету твоих глаз, ты, как раз Ведьмачка, а у меня не линзы, это от природы.

– Да-да, "это мой натуральный цвет", – едко процитировала девушка героиню фильма "Любовь и голуби".

– Я слышан о твоём остром языке, но, можешь не стараться, меня не переплюнешь, и, уж тем более, не обидишь, – небрежно бросил молодой человек собеседнице и направился к ожидавшему микроавтобусу, на крыше которого были закреплены баулы с поклажей.

Лиза поплелась за ним, не понимая, какие первые впечатления вызвало знакомство с Геральтом. С одной стороны, этот великан заинтересовал ее, но с другой, жутко разозлил!

[1] Современный Любовный Роман – поджанр, который считается одним из наиболее популярных и востребованных среди читателей. В числе поклонников таких литературных произведений преобладают женщины, однако многие мужчины тоже с удовольствием читают их, погружаясь в интересные и яркие сюжеты.

[2] Истории о попаданцах – популярнейший жанр современной фантастики. Его герои, обычные люди (военные, клерки, учителя и т. п.), внезапно попадают в альтернативный мир (в прошлое, будущее, параллельную вселенную или компьютерную игру).

[3] STEEL – известная польская обувь, полюбившаяся у молодежи. Считается, что обувь STEEL предпочитают исключительно представители неформальных субкультур.

[4] Речь идет о главном герое "Саги о Ведьмаке" – цикле произведений польского писателя Анджея Сапковского в жанре фэнтези.

[5] Акела – персонаж из сборника рассказов «Книга джунглей» английского писателя Редьярда Киплинга. Наставник и опекун Маугли. На протяжении многих лет был вожаком волчьей стаи.

Глава 3

Приблизившись к машине, Лиза увидела людей, с которыми должна была разделить все радости и тягости предстоящей поездки. В целом, компания подобралась относительно "ровная", в большей степени состоявшая из людей, тяга к историческим наукам в которых просматривалась обезоруженным глазом. Отличались, пожалуй, лишь юные молодожены. Флюиды любви окутывали их, как плотный туман, в котором они, прячась за авто, почти ежеминутно целовались.

– Молодо-зелено, – будто прочтя мысли Елизаветы, бросил Геральт и начал представлять присутствующих.

Лиза изо всех сил пыталась запомнить имена туристов, понимая, что ей придется несколько дней довольно плотно с ними общаться, но новая информация упорно отказывалась укладываться в переполненном мозге. Ее мысли занимал сам гид, точнее, его сверхъестественная загадочность. Предположение о том, что он собирает несведущих "лопухов" для вовлечения в какую-нибудь нелепую секту все плотнее "утрамбовывалось" в голове. Ну, не подходил он на роль того, кто подрабатывал поездками к Березовым островам. Его можно было бы назвать реконструктором[1] или неформалом, даже тем же Ведьмаком, но никак не экскурсоводом. На мгновение мелькнула мысль о том, что на эту ему можно было бы сделать неплохую серию репортажей с последующим разоблачением красавчика-злодея. Между тем, знакомство с группой подходило к концу, а Лиза, слушая вполуха, все еще находилась в легком ступоре. Геральт едва коснулся ее плеча.

– Поедешь рядом со мной, – тоном, не терпящим возражений, сказал Геральт и открыл переднюю пассажирскую дверь.

Однако подобное обращение для Лизы стало своеобразным вызовом.

– Ценю твои попытки казаться галантным кавалером, но я поеду со всеми, в салоне. Часть команды, часть корабля!

– Это не было вопросом, дорогуша. – Молодой человек ухмыльнулся и кивком головы пригласил девушку "приземлиться" на сиденье.

С минуту Лиза всматривалась в необычные глаза оппонента в надежде обнаружить хотя бы каплю совести. Тщетно. В его взгляде в равных пропорциях смешались наглость, самоуверенность, нарциссизм, ирония на грани сарказма, но не совесть. Со словами "Тоже мне Князь Тьмы"[2] она все же села на предложенное место.

– Тоже металл слушаешь?

– "Тоже" это ты слушаешь, а я просто слушаю. И не надо пытаться найти общие темы для разговора. Я села вперед только чтобы ты отвязался и не задерживал людей, а не для того, чтобы болтать тут с тобой, – огрызнулась Лиза.

– 1:0 в твою пользу...

Геральт молча включил магнитолау. Из динамиков раздались знакомые и любимые с детства аккорды песен старины Оззи, и пассажирка, отвернувшись в окно, с полным упоением собственной победой, едва заметно улыбнулась.

За окном побежали однообразные серые пейзажи Санкт-Петербурга. В это время года город на Неве никогда не впечатлял буйством красок. Дома по-прежнему оставались серыми, а природа была скупа на растительность. Что ж, это Питер, детка, в середине апреля.

Лиза всем видом давала понять, что не настроена на общение, однако это ничуть не смущало Геральта, и он начал профессиональный монолог о тех местах, в которые сейчас вез туристов.

– Сначала нам нужно попасть в Приморск. Дорога, в целом, неплохая, правда, есть один разбитый участок, но мой верный друг уже привык к трудностям. – Молодой человек несколько

раз провел ладонью по панели автомобиля. – За пару часов должны добраться, если, конечно, не попадем в пробку, а пока предлагаю насладиться моим ораторским искусством.

Понимая, что обречена на двухчасовое бубнение, девушка облокотилась на спинку сидения и приготовилась "внѣмлить". Вопреки страхам услышать псевдоисторическое брюзжание, Лиза буквально с первых минут заинтересовалась рассказом, но, само собой, вида не подала. Однако, музыку приглушила.

В лекции Геральта оказалось немало полезной информации. Город Приморск растянулся вдоль Финского залива всего на одиннадцати километрах. Если верить древним летописям, поселение на берегу пролива было основано еще в 1262 году новгородцами. Называлось оно тогда Березовское. И только спустя 60 с небольшим лет по Ореховецкому мирному договору поселение Березовское отошло Швеции и получило название Бьёрке. К слову, Бьёрке в переводе также означает "березовый остров". Долгое время находясь под управлением Швеции, город Бьёркё был торговым приморским городом. За свою историю Приморск также побывал под владением финнов и был известен в то время как городок Койвисто. И даже здесь "koivu" с финского – "береза". А вот в 1948 году, когда после советско-финской войны по мирному договору Койвисто отошел СССР, городу по какой-то причине дали совсем не связанное с его прошлым название.

Увы, это место не так популярно у путешественников, ибо Приморск считается городом одной достопримечательности и невероятной природы. Смотреть здесь особо нечего, то, что не уничтожила война, позже уничтожили люди. Финской и шведской архитектуры практически не осталось, а большую часть города занимает либо частный сектор, либо советские серые пятиэтажки. Но тем не менее приехать в Приморск все же стоит.

Настоящим сокровищем этих мест является Кирха Святой Марии Магдалины, которая была возведена в 1902-1904 годах по проекту архитектора Йозефа Стенбека. В 1905 году при своем посещении кирхи, император Николай II пожаловал ей крупную сумму денег. На эти средства для нее был изготовлен уникальный орган, имеющий 31 регистр. С ним связана одна местная история. Якобы, в начале Зимней войны финны орган не вывезли, а спрятали в местном лесу. В 90-х годах вблизи кирхи появился странный человек, оказавшийся последним ее пастором. Он что-то искал, а на вопросы отвечал, что не может найти то, что искал, так как местность здесь сильно изменилась за прошедшие годы. Уж не орган ли искал пастор? В любом случае узнать это уже не удастся. Пастор давно умер, а его родственники оказались не в курсе секретов финна. А вот по более приземленной версии, орган был растащен местными жителями на металлолом. И если это правда, то она весьма печальна, и что же тогда искал пастор?

По сей день архитектура кирхи будоражит умы паломников. Грубо обтесанные гранитные блоки слагают покатые стены высокой башни, это невероятный северный модерн, финский романтизм. Над входом в церковь указан год ее постройки. Когда-то рядом с кирхой стояла колокольня, только вот в 1944 году ее разрушил вражеский снаряд. Арочные окна, по форме напоминающие березовые листья, некогда были украшены огромными витражами. Сегодня же их единственное "украшение" – стекла да листы железа.

А вот интерьеры кирхи, ее невероятные витражи и прочее убранство были давным-давно утрачены. Что-то пропало в неизвестности, что-то вывезли в Финляндию и сохранили там.

Говорят, что после того, как с кирхи снесли крест и водрузили на его место большой красный флаг, произошло нечто странное. Со стороны пролива налетел сильнейший ветер и порвал флаг в клочья. Через некоторое время была предпринята попытка установить второй флаг из более крепкой ткани, но его постигла та же участь – долго он не простоял. Больше попыток не предпринималось. Наверно можно только радоваться, что ее не уничтожили вовсе, как было со многими религиозными строениями.

С тех пор здание постепенно ветшало. Глобальная реставрация прошла не так давно, и с тех пор здесь располагается краеведческий музей.

Много легенд связано с кирхой. Так, по одной из них, дочь последнего пастора во время Зимней войны, не желая покидать родной дом, приковала себя к стенам кирхи и, взяв винтовку в руки, отбивалась от наступающих с моря солдат. Однако, после того как балтийцы все же добрались до кирхи, то никого рядом с ней не нашли.

Необычный памятник возле кирхи был установлен в 1992 году. Называется он "Парус и крест" и посвящен памяти погибших финских и советских солдат. А у входа раскинула свои ветви старая сосна. Из-за перекрученного ствола выглядит дерево очень необычно.

Но не только старой кирхой хорош Приморск. Стоит пройти несколько метров, и можно оказаться на берегу пролива Бьёркезунд. Невероятная северная природа – ледниковые камни, яркие воды пролива, высокие стройные сосны. На горизонте видны острова Большой Березовый и Петровский. Слева по берегу вдаль виднеется финский каменный мол с установленным в его конце крестом[3].

Несмотря на малый масштаб городка, в который держала путь экскурсионная группа, Геральт постоянно находил что еще рассказать Лизе. К концу поездки девушка даже начала задавать вопросы, и молодой человек с удовольствием на них отвечал.

– Вообще, не в моих правилах показывать туристам сам город, моя цель – отвезти их к островам, но раз уж ты так вдохновлена моим рассказом, то, так и быть, сделаю исключение.

– Не хочу думать о том, что ты делаешь мне одолжение, поэтому приму этот жест как попытку наладить контакт.

Минивен не спеша покатился по Приморску. Первая "достопримечательность" не заставила себя долго ждать и показалась по правую сторону машины. Опознавательных знаков Лиза не обнаружила, но увиденное разрушающееся здание показалось ей заброшенной котельной или общественной баней с мозаичными окнами из давно помутневшего зеленого стекла. Явный пережиток советского прошлого.

Автомобиль выбрался за пределы Приморска, повез туристов по асфальтированной дороге, обрамленной с обеих сторон живописным сосновым бором.

– Внутри заходить некогда, надо до темноты попасть на острова, поэтому смотрим только из окна машины, – сказал Геральт и притормозил у знаменитой кирхи, загадочно скрывающейся в лесах.

Строение восхищало архитектурой и непривычными современному глазу формами. После войны высоченное внутреннее пространство церкви поделили на этажи. Сначала в здании были конюшни. Даже не верилось, что в этом великолепном каменном произведении искусства устроили Дом Культуры, кинотеатр, магазин. В 90-е здесь проходили дискотеки. Увы, в советское время было сделано все, чтобы максимально лишить кирху религиозных признаков[4].

– Я понимаю твой интерес, – сказал Геральт, видя как Лиза то и дело хватается за карабин ремня безопасности, чтобы покинуть авто. Однако, она так и не вышла наружу, продолжая фотографировать из кабины, – но нам действительно пора.

Девушка до последнего оглядывалась на таинственную кирху. Желание хотя бы еще раз увидеть ее силуэт не покидало до тех пор, пока металлическое тело минивена не выехало на территорию марины[5]. Перед туристами предстала вполне оборудованная современная гавань, с единственным "пиратским галеоном", пришвартованным у причала, точнее, его нелепой мини-копией. Геральт вышел на деревянный, весьма потрепанного вида, пирс.

– Андрон! Андрюха-а-а!!!

На оклики вышел заспанный мужчина пенсионного возраста. Он неспешно передвигал ногами, всласть зевал, демонстрируя отчасти щербатый рот, и почесывал большой живот.

О, Гер, приветствую! – поприветствовал молодого человека тот, кто звался Андроном, и, уже переведя взгляд на туристов, спросил, – новая партия?

Оказалось, что перед ними никто иной, как капитан "корабля", который и домчит всю компанию к Березовым Островам. Лиза с грустью посмотрела на ушлый баркас и очередной раз убедилась в опрометчивости своего согласия на эту "судьбоносную" поездку. Спасала только одна мысль – до вожденной цели оставалось минимальных 2,5 километра. Лишь бы лед, который открыл далеко не всю водную поверхность, не сделал лихую пробоину, от чего их непотопляемый "линкор" абсолютно точно повторит судьбу легендарного "Титаника".

Пока Елизавета морально готовилась к пересечению Финского залива, к ней подошел Геральт. Она машинально протянула полученный накануне спецпропуск.

– Ты из какого десятилетия приехала сюда?

– В каком смысле?

– В прямом. Пропуски действовали до 90-х, теперь ничего не надо.

Лиза в недоумении открыла конверт от Ефима Карловича. Внутри не было ничего, кроме клочка бумаги, который размашистым почерком сообщал следующее:

"Девочка моя, я таки совершенно не при делах, честное пионерское. Это все шалости твоего горячо любимого Давида Моисеевича. Я, если тебя это утешит, был против розыгрыша с самого начала, но ты таки знаешь своего босса. Так что, хорошего отдыха, и не злись на стариков. Целую твои мысли!"

– Ну, Моисеич, держись, дай только вернуться! – пригрозила Лиза в никуда и тут же беззлобно рассмеялась.

[1] Реконструктор – это человек, занимающийся воссозданием быта, ремёсел, традиций и боевого искусства конкретной эпохи конкретного государства.

[2] Имеется ввиду сравнение с Оззи Осборном – британским рок-певцом, музыкантом, одним из основателей и участником группы "Black Sabbath". Осборн оказал значительное влияние на появление таких музыкальных стилей, как хард-рок и хеви-метал.

[3] Информация получена с интернет-ресурса <https://bycarinrussia.ru>

[4] Информация получена с интернет-ресурса <https://dzen.ru/a/YPQIKM-dsm3aYpk0>

[5] Марина – специально оборудованная гавань для яхт, катеров и других маломерных судов, на которой экипажам предоставляют различные услуги.

Глава 4

Туристическая группа вошла на судно. Вопреки первому впечатлению, уже через несколько минут движения по воде, когда обледеневший берег остался позади, Лиза приятно удивилась маневренности ржавеющего баркаса. Не обжигающий, но все еще холодный ветер трепал черный лён волос девушки, выбивающийся из-под капюшона куртки. Лиза "расчехлила" фотоаппарат и попробовала сделать серию снимков. Она не увидела, но почувствовала кожей приближение Геральта. Молодой человек остановился позади, в нескольких шагах. Он не пытался начать разговор, лишь безмолвно наблюдал за гостьей и насколько громко думал о ней, что Елизавете стало не по себе. Она резко развернулась, преисполненная желанием пристыдить его за столь неприкрытое нахальство, но неожиданно для себя растерялась, когда попала под пронзительный взгляд необычных глаз цвета стали. Демонстрация смущения никогда не была в ее правилах, поэтому она предпочла проигнорировать молодого человека и продолжила фотосъемку.

Морская прогулка продлилась недолго, но и за это время Лизе удалось насладиться видами. Конечно, природа только пробуждалась от зимнего сна, робко сбрасывая с древесных плеч снежные накидки. Она любовалась сдержанной красотой северной природы, что вдохновляло на творчество, поиск чего-то нового, неизведанного, завораживающего и бесконечно таинственного. Вскоре кораблик пришвартовался у песчаного берега острова. Геральт со знанием дела, одним прыжком в воду, спешил, помог "капитану корабля" установить хлипкий трапик и пригласил женскую половину компании покинуть судно. Он протягивал руку тем, кто нуждался в помощи, но Лиза, что естественно ее натуре, демонстративно отодвинула протянутую ладонь и довольно ловко опустила подошвы ботинок на землю. Парень ухмыльнулся, но промолчал, предпочтя не вступать в диспут с очень самостоятельной пассажиркой, после чего поднялся на трап и вместе с оставшимися на баркасе мужчинами взялся за рюкзаки. Когда последний баул опустился на песчаный берег, Андрон попрощался с туристами и вернулся в порт Приморска.

– Ребята, мы на Западном Березовом. Нет смысла углубляться в массив, переночуем у кромки леса, а утром Дрон переправит нас к дальним островам.

Содержимое услышанного не сразу дошло до отвлекшейся на созерцание окружающего ландшафта Лизы. Она подошла к Геральту.

– Переночуем? В смысле? Здесь? Каким образом?

– Мы – в палатках, а ты, судя по скромным габаритам твоего рюкзака, на голой земле. Я еще при первой встрече понял, что ты належке, но хозяин – барин, значит, тебе так удобнее: спать на песке с отморозенными почками. Или ты планировала, что я буду каждый вечер тебя отвозить в городскую гостиницу?

Елизавета нервно провела по лбу ладонью, на которой остался холодный пот.

– Вообще-то именно на это я и рассчитывала! Я – городской житель, у меня нет опыта выживания в условиях дикой природы. В отличие от тебя, Маугли[1], у меня есть острая необходимость в душе. Ты в курсе сколько я сюда добиралась? Не мешало бы поесть. Я уже молчу о разрядившемся мобильнике и аккумуляторах на фотоаппарат. Или ты хочешь, чтобы мои близкие подняли на уши весь Питер?

– Сочувствую твоему многослойному горю, но ничем не могу помочь. Надо было уточнить подробности заранее.

– А ты мог и предупредить!!! – крикнула она молодому мужчине, который уже развернулся к остальным.

– Ты так говоришь, как будто не знала, куда едешь! – И он окончательно потерял интерес к диалогу.

Злость и осознание собственной глупости с тяжестью легли на хрупкие плечи. Лиза присела на небольшой валун, лежавший почти у самой воды. Никто из присутствующих не бросился к ней с утешениями или претензиями, явно привыкшие к походным условиям, люди просто взялись за организацию лагеря. Она достала из внутреннего кармана смартфон. Тот все еще подавал слабые признаки жизни, но было ясно: до утра "заморская игрушка" не дотянет. Если бы не малая возможность подзарядиться, которую ей любезно предоставили в "Камчатке", мобильный давно бы лишил девушку связи. Лиза успела отправить пару сообщений подруге и начальнику о севшем аккумуляторе, после чего преданный "китаец" окончательно сдался. За спиной раздали неуверенные шаги.

– Снизошел до извинений? – не оборачиваясь, спросила Лиза. Но на соседний камень присел совсем другой человек.

– Зря ты так с Геральтом, он ничего плохого тебе не делает, а твои припадки только настроение всем портит, – с назиданием произнесла женщина весьма преклонного возраста. – Я с юности занимаюсь археологией, так меня еще его дед в экспедиции возил по всей стране, и не только. Парень, как видишь, по его стопам пошел. Я его еще мальчишкой помню, все за своим стариком хвостиком бегал. А как Эдмунд этот мир покинул, так Гер его место и занял.

– Что за клички такие? Геральт... Эдмунд... Средневековье какое-то... – будто не замечая услышанное о семье Геральта, возмутилась Лиза.

– И это говорит человек, носящий имя с историей в двадцать веков, да, Элишеба?[2] – собеседница улыбнулась и, уже поднявшись на ноги, слегка коснулась плеча упрямыцы. – Он нужен тебе больше, чем кажется на первый взгляд.

Чтобы успокоиться и включиться в общую работу Лизе понадобилось не больше десяти минут. К счастью, никто не заострил внимание на конфликте, в особенности Геральт. Он с пониманием отнесся к ситуации и даже проявил сочувствие к городской неумехе.

– Друзья, кто готов разделить палатку с той, чьи амбиции заняли все место в походном рюкзаке? – Молодой человек не удержался от язвительного укола в адрес Лизы, который она с достоинством выдержала. По компании прокатились неуверенные шепотки, так и не переросшие в четкие ответы.

– Заметь, твой прекрасный характер помог тебе завести кучу друзей! Ладно, переночуешь в моей палатке, не бросать же тебя на улице.

– Что? Я не...

– Слушай, твое упрямство начинает утомлять меня. Или ты начинаешь вести себя адекватно, или еще одно слово против, и ты решаешь свои проблемы сама, как, очевидно, и привыкла по жизни. Посмотрю, с какой скоростью природа расщепит тебя на молекулы.

Лишенная права выбора, и да голоса в целом, Елизавета молча хватала воздух ртом, но так и не решилась высказать все, что хотелось. Геральт приблизился и указательным пальцем приподнял за подбородок.

– Оказывается, ты все-таки умеешь вовремя удержать язык за зубами. Значит, есть шанс сделать из тебя нормального человека.

Туристический вечер, к удивлению бунтарки, прошел в найтеплейшей атмосфере. Собравшись в круг у большого согревающего костра, искатели приключений жарили мясо, запекали в углях картошку и другие овощи, пели под гитару походные песни и рассказывали интересные истории. В один из моментов Геральт скрылся в своей палатке, а, вернувшись, набросил на плечи Лизы небольшой флисовый плед. Она погасила порыв возмущения из серии: "Мне и так тепло!" и спокойно поблагодарила за заботу. В конце концов, может, он и прав. Надоело казаться сильной и независимой, особенно в те моменты, когда рядом появляется потенциально свободное надежное плечо. Если уж она согласилась на эту поездку, приняв за знак свыше, так чего ж теперь сопротивляться посылаемым Вселенной благам в виде brutального красавчика с невероятно обворожительными глазами?

Вспомнились и слова лучшей подруги о том, что не все мужчины одинаковы. И что где-то бродит одинокий пилигрим[3] в поисках "той самой, единственной и неповторимой", готовый пройти этот мир, и еще несколько параллельных, лишь бы отыскать любимую. Где гарантия, что Геральт не ее сильно припозднившаяся судьба?

Уже за полночь уставшие туристы начали расходиться на ночлег. Лиза, попав в походное жилище гида, постаралась максимально слиться с нейлоновой стенкой палатки, а молодой человек включил портативный обогреватель и лег с противоположной стороны.

– Учишься проходить сквозь стены? Не волнуйся, приставать не буду. Советую поскорее отдаться во власть сна, завтра ранний подъем, да, и в целом, нас ждет насыщенный день.

Оранжевые спирали теплообменника почти не освещали палатку, но даже в таком слабом мерцании Лиза довольно хорошо видела очертание лица Геральта. Серебряные блики мужских глаз застыли на месте. Девушка твердо решила не спать, чтобы не потерять бдительность, но быстро согревающийся воздух незаметно делал свое дело: хрупкое тело перестало ощущать зябкость, а монотонный шелест волн, разбивающихся о берег, и гул хвойного леса окончательно убаюкали ее. Последняя мысль, мелькнувшая перед окончательной отключкой: если повсюду сосны, то почему острова называются Березовыми? Загадочный экскурсовод же сомкнул веки и чуть слышно прошептал: "С днем рождения, Лиза..."

– У тебя есть пауэрбанк[4] и ты молчал?!? – Негодующий крик Елизаветы из палатки разбудил весь лагерь.

– Естественно, есть. Как я, по-твоему, должен поддерживать связь с внешним миром? Наш капитан Андрон не отличается даром ясновидения. Он не может прочесть мои мысли, чтобы узнать в какое время нас нужно забрать.

– Это все понятно! Но ты же знал, что у меня сел телефон!

– Пока мы собираем лагерь, можешь подзарядиться, в чем проблема? Считаю это подарком на день рождения.

Негодование Лизы, шокированной последней фразой оппонента, сразу сошло на нет. Это уже переходило все границы. Ей действительно сегодня стукнуло тридцать два, НО откуда об этом известно Геральту? Неужели ее тотальное везение "утопленника" помогло вляпаться в какую-то околоскриминальную историю, в прологе коей о ней тщательно наводились справки?

– Ой, только не делай такое лицо, Лиза! Судя по его выражению, в твоём воображении я уже, как минимум, психопат с маниакальными наклонностями или вообще потомственный сектант. Ставь мобильник на зарядку и присоединяйся к остальным. Ты и так вчера не помогала!

Когда палатки были собраны, а последствия ночевки утилизированы по мусорным мешкам, к берегу пришвартовался баркас. Андрон, с явными следами удачного вечера на лице, с трудом помог погрузить поклажу, после чего, самозабвенно развернув судно, взял курс на Большой Березовый Остров.

[1] Маугли (англ. Mowgli) – главный персонаж сборника рассказов «Книга джунглей» английского писателя Редьярда Киплинга, человеческий ребёнок. Воспитан волчьей стаей, медведем Балу и питоном Каа.

[2] Элишеба – древнееврейская форма имени Елизавета, переводимое как «почитающая Бога», «клянувшаяся Богом» (дословно «Бог – есть клятва моя»).

[3] Пилигрим – паломник, странник, путешественник, скиталец по разным странам.

[4] Пауэрбанк (power bank – дословно «накопитель энергии») – это внешний аккумулятор, с помощью которого можно заряжать смартфон и другие устройства, если рядом нет розеток.

Глава 5

Еще издалека Лиза обратила внимание на внушительные размеры острова, к которому устремилось туристическое суденышко. Большой Березовый всегда по праву носил почетное звание самого крупногабаритного среди тех, что входили в знаменитый архипелаг Финского залива.

Когда "пиратская команда" сошла на сушу, то многие принялись изучать и фотографировать весьма причудливой формы камни, усеявшие песчаный берег. Еще никогда девушке не доводилось бывать в столько живописном месте, с великолепной природой и атмосферой уединения. Лизе, как жителю шумного душного города, пожалуй, именно этого и не хватало. Она с удовольствием вдыхала чистый влажный воздух, ощущая моральную и физическую свободу. Через некоторое время, когда мужчины сгрузили багаж на берег, Геральт обратился к своим "подопечным".

– Вы наверняка заметили, что остров огромный. Чтобы обойти его не хватит и нескольких дней, так что, если кто-то из вас рассчитывал на небольшой променад, спешу огорчить, вы здесь минимум на неделю. – Молодой человек многозначительно посмотрел на Лизу. – Нам повезло, здесь есть всего один, но вполне населенный, пункт. В Красном Острове мы сможем отдохнуть перед экспедицией и пополнить запасы воды.

– А магазин тут имеется? – Вопрос прозвучал из дальней части группы. – А то мы впопыхах забыли самое главное – туалетную бумагу. – Молодожены обнялись и негромко рассмеялись.

– Да уж, действительно, без нее никуда, но, максимум, что вам светит – подшивка старых газет, и то, если выпросите у кого-нибудь из местных. Здесь нет привычных вам благ цивилизации: ни магазинчиков, ни кафешек, ни даже банального электричества.

Лицо Лизы, по мнению Геральта, забавно перекосило после услышанного.

– Ты куда нас привез? Видимо, на новое реалити-шоу а-ля "Последний герой"[1]. Где скрытые камеры? В какой объектив передавать приветы друзьям?

Не обратив внимания на выпад девушки, гид продолжил:

– На острове почти сотня домов, но круглогодично живут только несколько семей, у которых есть моторные лодки, чтобы смотаться за всем жизненно необходимым в город. Остальные же проводят здесь чисто дачный сезон: отдыхают, рыбачат, ловят творческое вдохновение.

Геральт, словно пытаясь избавить новичков-туристов от страха неизвестности и первобытности острова, рассказал о том, что имеет огромный опыт путешествия по Большому Березовому, так что беспокоиться не о чем. Конечно, середина апреля не подходила для плодотворного пополнения запасов ягод, грибов и лечебных трав, которыми славятся местные окрестности, но и без того группе будет чем заняться. Остров не имеет каких-то особенных достопримечательностей (кроме уцелевших остатков финских укреплений) или богатой истории, но испещрен хорошими грунтовыми дорожками и уже просохшими тропинками, что обещало сделать передвижение по острову увлекательным.

В деревне нашлись люди, которые радушно приняли уставших путников на недолгий постой, за время которого те успели перекусить, обмыться в бане, подзарядить гаджеты и отдохнуть перед "марш-броском" вглубь острова, а ближе к обеду группа, во главе с экскурсоводом, выдвинулась в путь.

– Чуть не забыл. В южной части острова, куда мы и держим путь, совершенно не ловит мобильная связь, так что советую сделать все важные звонки здесь и предупредить близких.

Люди разошлись по полянке с телефонами в руках. Лиза, для начала, набрала боссу.

– Шо я вижу! Таки пойдет сегодня снегопад, раз обрушилось на меня такое счастье – сама Лисовская позвонила! Да, еще в какой день! С Днем Рождения, пташка моя! Чтoб ты радовала

старика своей наглой мордашкой до самой пенсии, причем своей собственной, – рассыпался в поздравлениях Давид Моисеевич.

– Спасибо, босс! Приятно, что помните!

– О таком таки забудешь, ага! Я тут, чтоб ты знала, каждый рабочий день заканчиваю в луже из слез, оттого, что безмерно тоскую по твоей тощей заднице. А ты ее увезла в какие-то джунгли! Признавайся, нашла себе там уже какого-нибудь Тарзана[2] в набедренной повязке?

Лиза машинально обернулась на Геральта.

– Ой, Моисеевич, вы же знаете, я от вас никуда! Спасибо за поздравления, вы, как всегда, предельно милый и циничный! Отдельная благодарность за прикол со спецпропуском.

– Ну, что есть, то есть. Зато и любишь. А насчет прикола, извиняйте, барыня, не удержался. Ладно, как у тебя там?

В нескольких фразах Елизавета поделилась с начальником впечатлениями о поездке, которые, к удивлению девушки, были не так и мрачны, если, конечно, не принимать близко к сердцу некоторые особенности походного быта. После состоялся разговор и с лучшей подругой. Катя начала с традиционных поздравлений именинницы, а потом приступила к допросу с пристрастием.

– Даже не знаю какой вопрос задать первым. Судя по тому, что ты вышла на связь, значит, ты не в плену, у тебя не отобрали телефон, и ты свободна в передвижениях. Давай выкладывай, как проходит поездка, "способная изменить твою жизнь"? – Катерина процитировала отрывок из первого электронного письма Геральта.

Лиза опять, интуитивно, обернулась на экскурсовода, наблюдающего за ней из группы туристов.

– Даже не знаю, что тебе на это ответить. Если ты о Геральте, то, в целом, терпимо. Он, конечно, странный, если не сказать, чудаковатый. Абсолютно неглупый, чувствуется начитанность, что для современных мужчин – ископаемая редкость, сама знаешь, но, при этом, не забывает проявить свой снобизм, что ли. Циник до мозга костей.

– Но у меня есть подозрение, что он тебе уже нравится.

Лиза опешила от предположений подруги.

– Чего? Этот самодур[3], страдающий нарциссизмом[4]? Точнее, не страдающий, а получающий от своего диагноза наслаждение. Нет уж, Катя, это не мой фасончик, хотя, спорить не буду, в словесных дуэлях он весьма достойный оппонент.

Екатерина рассмеялась попыткам подруги противостоять очевидному для психолога.

– Ладно-ладно, будем считать, ты меня убедила, только хотя бы саму себя не пытайся обмануть. Еще раз с Днем Рождения. Очень верю, что в этом году твоя жизнь действительно изменится в лучшую сторону.

Девушки попрощались, и Лиза вернулась к ожидавшим ее одну туристам.

– Не отставай, именинница, а то мы и так задержались из-за твоей болтовни по телефону.

Первая реакция на услышанное – ступор. За время, проведенное в компании Геральта, Лиза, похоже, успела привыкнуть к тому, что тот не упускает возможности нанести девушке удар "словесной шпагой", а потому перестала реагировать на его выпады. Но откуда, рвите его демоны, он знает о дате ее рождения? Лиза зарегистрирована лишь в одной из множества соц-сетей, и то, под псевдонимом и "левыми" личными данными, согласно которым ей исполнилось двадцать девять еще три месяца назад. Как он это делает? Возвращение паранойи, проявив культуру воспитания, тут же пунктуально заявилось в подсознание девушки. Она приблизилась к Геральту.

– Откуда?

Молодой человек сразу понял суть вопроса. Мягко, почти нежно, взял ее ладонь и, склонившись, низким голосом произнес:

– Прошу, не торопи события, не то спугнешь интригу. Скоро ты сама все узнаешь, даже раньше, чем может казаться. Лично я не собираюсь наносить тебе вред и могу гарантировать безопасность, но только в том случае, если ты, Лиза, будешь послушной девочкой и, наконец, прекратишь корчить из себя Зену[5]. – От него пахло морской водой и хвойным лесом, что успокаивало и вызывало неведанное ранее желание довериться этому человеку. Едва заметно Геральт провел указательным пальцем по ее прохладной щеке и повел заждавшихся туристов в пеший тур по острову.

Вдоль ухабистой тропинки, по которой и зашагали путешественники, чинно расположились вековые сосны. Вопреки на общемк названию архипелага, березы почти не попадались. Вместо них вечнозеленый бор был наполнен все теми же невероятно живописными валунами, что встречались и на берегу Финского залива. Лиза вдруг вспомнила школьные годы. Последний поход, в котором она побывала, был в конце восьмого класса, и впечатления оставил, увы, не самые радужные. Отношения юной Елизаветы с одноклассниками нельзя было назвать хорошими или плохими, их не существовало априори. Хулиганистые мальчишки и подражающие гламурным звездам девочки даже не пытались найти общий язык с нелюдимой простушкой с задней парты, хотя она изо всех сил старалась понравиться ребятам и заслужить право на дружбу. Всегда приветливая, готовая помочь с уроками или просто дать списать готовую "домашку", она постоянно игнорировалась, и когда учительница объявила о грядущем походе, Лизе показалось, что это тот самый шанс стать частью коллектива. Но, к сожалению, чуда не случилось и на этот раз. По возвращении из похода, девочка весь вечер проплакала, запершись в своей комнате, а ближе к полуночи, когда вошла бабушка, она не выдержала и рассказала той о проблемах с одноклассниками.

– За что они так со мной? Я ведь ничего им не сделала плохого. Наоборот, стараюсь подружиться, найти общие интересы, но только и слышу, что таким как я не место в их компании. Каким таким?

Пелагея Герасимовна присела на край кровати внучки.

– Лисенок, пойми, не всегда получается так, как мы хотим. Даже в сказках герои сначала попадают в опалу[6]. Вспомни хоть "Сказ про Федота-стрельца, удалого молодца"[7]. Сколько царь измывался над бедным Федотом, да все равно справедливость восторжествовала, и получил герой заслуженную награду, а злодей – по заслугам.

– Ой, Ба, я уже давно выросла и не верю в сказки, даже самые добрые.

– А вот и зря! Их наш народ веками слагал, да столько мудрости жизненной вложил, что только успевай познавать да в быту применять.

А через полгода, после роковой репетиции, Лиза окончательно замкнулась и разочаровалась в окружающих людях...

Погруженная в печальные воспоминания, временами прерываемые созерцанием природы, девушка не заметила, как их группа прошла несколько километров и добралась до просторной поляны, обрамленной со всех сторон широкоствольными соснами. Геральт сообщил, что здесь и пройдет ночевка.

– Ночи в лесу гораздо холоднее, чем в открытой местности, так что, если нет желания околеть от холода, можете собрать хворост и дрова для поддержания костров. Есть желающие?

Лиза вызвалась в числе первых. И не потому, что ее терзали муки совести за прошлый раз, когда все, кроме нее, занимались установкой лагеря. Просто покинуть остров так и не сделав серию фотографий окружающей девственной красоты – нравственное преступление против своей же совести. Сбор хвороста в этом случае становился идеальным поводом уединиться на лоне природы. В сопровождении brutального гида несколько человек отправились вглубь лесного массива, а уже там каждый в отдельности принялся искать "топливо" для будущих костров.

Интерес уводил девушку все дальше. Объектив верного "Сапона" выхватывал из общего фона отдельные элементы в режиме макросъемки. Вот едва развернувшийся зеленый листик молодого кустарника, а теперь в кадре заброшенное, некогда сорвавшееся с ветки на мох, птичье гнездо. Здесь Лиза сняла и целый ковер из опавших шишек. Она фиксировала небо, землю и даже воздух, в котором витал дух весеннего пробуждения природы.

В поисках новых ракурсов для фото, Лиза прошла еще глубже в массив, и вот перед ней предстал действительно интересный объект, хотя она и не была любителем военной фортификации[8]. Пройдя через несколько уцелевших военных дворики, Елизавета оказалась у останков батареи Сааренпяа.

– Ее построили еще во времена Российской Империи, как раз накануне Первой Мировой войны. Правда, не сильно-то она помогла в борьбе с революционными бурями. – Геральт бесшумно "вырос" за спиной сбежавшей туристки. – Лиз, ты, вроде, неглупая, в журналистике много лет, а элементарных вещей не понимаешь. Я же просил, не исчезать из поля зрения. Как ни посмотри, а я несу за каждого члена группы ответственность, а ты, как дитя малое, так и норовишь во что-нибудь вляпаться.

На этот раз в голосе мужчины Лиза не услышала ноток сарказма, так полюбившегося за последнее время, поэтому решила извиниться за несанкционированную вылазку.

– Геральт, прости, увлеклась фотосъемкой. Все, что касается сбора информации, лишает меня самообладания. Я, как гончая, могу сутками напролет, без сна и еды, преследовать цель, если точно знаю, что это того стоит.

– Я тебя понимаю, сам тоже очень увлекаем, но сейчас же ты не на работе. У тебя отдых, вот и отдыхай, иначе отниму аппаратуру. – В доказательство своих слов он ловко перебросил ремешок через шею девушки и фотоаппарат оказался на его широкой ладони.

Лизе не понравилась эта игра. Она попыталась отнять верного оптического друга, но Геральт так высоко поднял руку, что дотянуться, с ее-то ростом, не представлялось возможным. Возможно, если бы юность Лизы не была обезображена ненавистью к представителям сильного пола, она бы восприняла бы этот жест за попытку заигрывания и соблазнения, но... Она расценила поведение Геральта как вызов, который в тот же момент с гордостью приняла. Он успел увернуться в последний момент, когда женская нога пролетела всего в нескольких миллиметрах от его скулы.

– Все-все, успокойся, воительница. Держи свой фотик. Не думал, что у тебя настолько плохое чувство юмора. Учту на будущее. Догоняй.

Она не сочла нужным сказать что-либо вдогонку. Просто запечатлела военный памятник и взяла курс на тропинку. Прежде чем вернуться в лагерь, она еще раз оглянулась. Отлично, Геральта нигде не было, значит, можно было напоследок спокойно побродить между деревьев. В конце концов, теперь он знает где ее искать. В нескольких метрах от себя Лиза заметила движение. За небольшим, почти голым, кустарником явно пряталось животное. Не страх, но внутреннее волнение, попыталось ее остановить, воззвать к здравому смыслу и разбудить сильно задремавший инстинкт самосохранения, но пресловутое любопытство, как и всегда, одержало бескомпромиссную победу. На полусогнутых ногах она начала неспешное продвижение к источнику шума. Хруст сухих веток под лапками и аппетитное чавканье напрочь лишило зверька бдительности, и он далеко не сразу заметил приближение человека. Лишь жужжание, характерное при выдвигании объектива, привлекло внимание молодой лисы, беспощадно расправляющейся с небольшой птичкой. Животное заметно напряглось, но не бросилось наутек, неожиданно чихнуло, от чего с острой мордочки в разные стороны полетели пестрые перья. Лиза успела сделать удачный кадр. Патрикеевна между тем продолжала внимательно изучать незваную гостью, которая тоже не двигалась с места. Со стороны могло показаться, что человек и дикий зверь безмолвно беседуют, не сводя друг с друга глаз, и разговор этот способен затя-

нуться на часы. Неожиданно Лизе захотелось погладить лесную красавицу, и она даже робко протянула ладонь вперед, но хищница чуть слышно зарычала и "улыбнулась" в оскале.

– Ладно, не сердись, больше не буду. Наслаждайся своей добычей, а я пойду.

Девушка выпрямилась и, стараясь не поворачиваться спиной к лисице, попробовала вернуться на уже знакомую тропу. Ей почти удалось задуманное, но злосчастный корень, торчавший из земли, очень не вовремя сделал отступающей туристке подлую подножку. Лиза всем телом приложилась о широкую сосну, после чего сползла на влажный мох. Она и сама не поняла, в какой момент перед ней оказалась та самая рыжая плутовка, что всего пару-тройку минут назад с аппетитом рвала птицу на части.

– Пошла прочь! – крикнула Елизавета и роковым движением ушибленной о корень ноги попыталась отогнать приближающегося зверя. Лиса не заставила себя долго ждать. Пламенеющий от злости (и показавшийся знакомым) взгляд хищницы пронзил обидчицу, а после – и острые зубы впились в икроножную мышцу Лизы.

[1] "Последний герой" – российское телевизионное реалити-шоу, основанное на международном формате Survivor («Выживший»).

[2] Тарзан – это персонаж, созданный писателем Эдгаром Райсом Берроузом и впервые появившийся в книге «Тарзан. Приёмьш обезьяны».

[3] Самодур – это человек, руководящийся в своем поведении по отношению к другим людям исключительно личным произволом, прихотями.

[4] Нарциссизм (нарциссическое расстройство личности) – это психологическое отклонение, при котором человек считает себя особенным, неподражаемым, лучше всех остальных.

[5] Зена – главная героиня сериала "Зена – королева воинов", непобедимая и бесстрашная воительница, которая приходит на помощь всем нуждающимся, сокрушая бесчисленные армии врагов.

[6] Опала – это любая немилость, нерасположение, недружелюбное отрицательное отношение к зависимому лицу.

[7] "Сказка о Федоте Стрельце" – пьеса-поэма русского писателя и актера Леонида Филатова, написанная в 1985 году.

[8] Фортифика́ция – военная наука об искусственных закрытиях и преградах, усиливающих расположение войск во время боя и называемых поэтому фортификационными сооружениями (от фр. fortifier – «укреплять», «усиливать»).